

ПЕРЕСПАТЬ НА СПОР

ЕКАТЕРИНА КАРИДИ

В обычной жизни они умные, амбициозные, целеустремленные девушки, будущие дамы-адвокатессы, с большими планами на много лет вперед и желанием сделать головокружительную карьеру. А на отдыхе время развлечений, и развлечения эти разнообразны, пикантны и не всегда приличны.

Случайная встреча в ресторане, глупое пари. Во что может вылиться невинный розыгрыш...

Описанные события вымышлены и не имеют под собой реальной основы, все совпадения случайны, имена и фамилии также вымышлены.

В спорах рождается истина.

Девчонки встречались в аэропорту, каждая торопилась закончить все свои дела, чтобы со спокойной душой лететь отдыхать. Легкая эйфория, предчувствие приключений, горящие глаза и отличное настроение. Они радостно смеялись, еще бы, их ждет две недели сплошного праздника! Наконец, после того, как багаж был сдан, регистрация пройдена и они расселись на своих местах, а лайнер оторвался от земли и взлетел, блаженное время свободы началось.

О, что могут вытворять на отдыхе примерные студентки, особенно если они едут на юг компанией из пяти веселых, озорных девчонок. В обычной жизни это умные, амбициозные, целеустремленные девушки, будущие дамы-адвокатессы, с большими планами на много лет вперед и желанием сделать головокружительную карьеру. Знающие, что мир лежит у их ног и только и ждет, что они придут и покорят его. Ну, или почти так. Зато, когда настает время свободы, то уж они сумеют потратить это время с пользой!

Все пятеро подружек учились в одной группе и, в силу консерватизма, свойственного их будущей профессии, а если выразиться попроще, то в силу выработавшейся привычки, с первого курса ездили летом отдыхать вместе в один и тот же известный на всю страну курортный отель. Этот год был не такой, как предыдущие, в этом году девушки окончили магистратуру, и теперь их ждала взрослая жизнь. У каждой своя. Неизвестно, как и что сложится, потому что они, вспомнив все свои старые проказы, отрывались по полной программе.

А девушки были хороши и, что называется, на любой вкус. Коротко стриженная рыжеволосая зеленоглазая Ритка, за маленький росточек и сублительную комплекцию ее прозвали Микра, но вот бюст у нее при этом был совсем не микро. Маринка, высокая, с густыми черными, волнистыми волосами и черными, как ночь глазами, восточная принцесса, да и только. Нина — льдисто-голубые глаза и серебристые волосы, похожая на шведку. Кустодиевская красавица Лена, с прекрасными золотистыми волосами и огромными серыми глазами. Синеглазая темноволосая Аня, по прозвищу Поручик, вот кто был всегдашним заводилой, вот в чьей голове рождались самые смелые идеи.

Итак, развлечения были разнообразны, пикантны и не всегда приличны. Мы опустим описания дизайнерских нарядов, которыми они эпатировали публику, а также гулянки в барах и ресторанах. Самым веселым развлечением были непристойны пари. Например, пробежаться в одном нижнем белье по коридору, спеть под караоке скабрзные куплеты, устраивать гонки на мопедах. А еще, конечно же, розыгрыши. Жертвами невинных розыгрышей становились, как правило, особы мужского пола, попавшие в поле зрения будущих дам-адвокатесс. Обычно все проходило удачно и очень весело, а жертва розыгрыша в итоге веселилась вместе с ними. Но, как оказалось, так бывает не всегда.

В этот вечер они сидели в самом шикарном ресторане отеля и уже успели отдать

должное и ресторанной кухне, и напиткам. Девушки раскраснелись и весело хихикали, стреляя глазками по сторонам. В зале было довольно много народу. Разумеется, они были там не единственными представительницами прекрасного пола. Там были и семейные пары, и одинокие дамы в поиске партнера на ночь, и просто одинокие дамы без всяких намерений, и честные проститутки. Но компания адвокатесс привлекала внимание своей бесшабашной молодостью и безыскусственной веселостью.

Через несколько столов от них за столиком у стены сидел мужчина. Весь вечер один. Красивый, лет тридцати темный блондин с холодными серыми глазами. Он в самом начале взглянул на девушек презрительно-насмешливым взглядом, и больше практически не обращал внимания, уткнувшись в газету. В газету! Аня время от времени поглядывала в его сторону, не нравилось ей то надменное презрение, которое прямо-таки перло из него, но неизвестно почему, он притягивал ее внимание. Один раз, цинично улыбнувшись, даже перехватил ее взгляд. Девушка вспыхнула и отвела глаза, а когда украдкой посмотрела на него снова, он, ухмыляясь, что-то высматривал в своей газете.

— Ну погоди, мы тебе сейчас устроим, — мстительно подумала она.

Девушки уже подвыпили и созрели для шалостей.

— Господин Поручик, что у нас сегодня в программе? — спросила Марина.

А Микра Ритка выпалила, ткнув ее локтем в бок:

— Аня, кого и на что сегодня разводим?

Нина с Ленкой покивали и с любопытством придвинулись поближе. Сделав глубокомысленное лицо, Аня оглядела зал и произнесла:

— А слабо вам переспать на спор?

— Эээ... ты чего? Вот так прямо...

— Успокойтесь, просто подойти и разыграть мужика. Снять. Главное, чтобы он согласился, а дальше, делайте с ним, что хотите. Никто не предлагает вам действительно ложиться с ним в одну постель. Впрочем, если захочется... — У Аньки было такое лукавое лицо, что остальные, блестя глазками, замахали на нее руками.

— Квест? — обозначила общую позицию Нина.

Аня сделала вид, что внимательно изучает весь присутствующий в зале мужской контингент, а потом тоном, каким обычно выносят приговор, объявила:

— Вон тот мужик у стенки. С газеткой.

— Кхम्म, а он очень даже... — Марина причмокнула.

— Вот и желаю тебе удачи, — Анька хихикнула, а Марина послала в сторону столика у стены убийственный взгляд, сексуально встряхнув пышными черными волосами.

Остальные тоже проявили недюжинный энтузиазм. Общее мнение выразила сочная красotka — золотоволосая Лена:

— Короче, мужик, ты не отвертишься!

— Девочки, только без жертв. Начинаем?

Дружный кивок был Ане ответом.

— Так, у кого короткая зубочистка, той и достается квест.

Пять девичьих головок склонилось над столом, в ожидании момента, когда начнется игра. Аня с мрачным видом патологоанатома, препарирующего жертву, отломил кончик у зубочистки, специально делая все крайне медленно. Нина фыркнула:

— Мать, чего ты копаешься?!

— А куда спешить?

— А вдруг мужик уйдет?! — Ленка стрельнула глазами в сторону столика, за которым сидел объект их розыгрыша

Горящие глаза девчонок впились в Аньку, потому что адреналин уже захлестнул их, и они затаились в предвкушении. Наконец, все было подготовлено, чтобы тянуть жребий.

И надо же было случиться, что короткая досталась Ане.

— Ну, Поручик, иди давай. Покажи класс.

— Да ну вас, к черту! — отгрызалась Анька, сверкая глазами.

Она почему-то ужасно волновалась. Никогда еще так не волновалась, у нее вспотели ладони, и сбилось дыхание, пока она шла к столику, за которым сидел этот тип. Он, кстати, все это время игнорировал их возню, и упорно смотрел в свою газету. Аня подошла и, поборов волнение, спросила:

— Вы позволите присесть?

Мужик небрежно вскинул голову, одарил на нее ледяным взглядом циничных серых глаз. Красивых глаз. И, безразлично пожав плечами, продолжил читать. Девушка присела.

— Нет, таких типов мне еще не приходилось встречать, — подумала она, — Что он из себя корчит?

А вслух произнесла:

— Прекрасный вечер, вы не находите?

Мужчина оторвался от газеты, посмотрел ей в глаза и холодно проговорил:

— Не болтайте ерунды, говорите сразу, зачем пришли.

Аня смутилась от подобной отповеди, как-то даже захотелось встать и быстро исчезнуть отсюда. Она мельком взглянула на девчонок, те уставились на нее во все глаза. Спор есть спор. Придется продолжать.

— А вы нелюбезны, — она взяла себя в руки и попыталась улыбнуться.

Мужик не удостоил ее ответом.

— Статья настолько интересна? Не поделитесь информацией, что вы читаете, возможно, и мне стоит почитать тоже?

Он встряхнул газетой, фыркнул, и ответил, не глядя на нее:

— Если вы собрались предложить мне провести с вами ночь, то нечего тянуть кота за хвост.

Застыв на миг от его пронизательной и неприкрытой грубости, неприятно пораженная Аня опустила голову, пытаясь вернуть себе самообладание. Этот гад зацепил ее, теперь это уже был поединок. И черта с два она отступит.

— А если даже и так, каков будет ваш ответ? — ее глаза сверкали вызовом, а голос слегка дрожал от скрытого гнева.

Мужик, наконец, оторвался от своего чтива, отложил газету, оглядел ее наглым, раздевающим взглядом, опершись подбородком на скрещенные кисти рук. Красивых, сильных рук. И выдал:

— Шлюхи, предлагающие себя, меня не интересуют.

Шлюха!?! Так ее никто не обзывал. Черт побери, она еще ни с кем не спала, да и с ним тоже спать не собиралась! Аня готова была впитаться в его красивое лицо ногтями и выцарапать его красивые ледяные глаза. Но адвокаты умеют держать себя в руках. Она слегка улыбнулась, приподняв бровь, и спросила холодно, но игриво:

— А девственницы?

— Шлюхи — девственницы, увы, тоже. А теперь, милочка, вам пора уходить.

Позор и провал был полный. Но дамы-адвокатессы умеют проигрывать с улыбкой:

— Аааа... Я, кажется, поняла, вы гей!?! — вопрос был не вопрос, а полуутверждение, высказанное с заговорщическим видом.

Обжигающий ледяной взгляд достался ей в ответ.

— Ну что вы, не надо стесняться, это теперь так модно, может быть, станем подружками? — она поняла, что мужчина взбесился, но ничего не могла с собой поделать, ее несло.

Мужчина молча поднялся, выпрямился, расправив широкие плечи.

— У него отличная фигура. Стройный, и никаких лишних мышц и жиров, — невольно отметила про себя девушка.

А он сложил газету той стороной, которую читал кверху, положил перед ней на стол и, со словами:

— Ну, раз вы не желаете избавить меня от своего общества, я сделаю это сам. Можете почитать, вам это будет безумно интересно, — ушел.

Аня буквально физически ощущала себя облитой грязью, она смотрела ему вслед, и ее захлестывало неприятное, тяжелое чувство. Она еще никогда так не проигрывала, и ее еще никто так не унижал. Самое обидное, что мужик был в чем-то прав. Если честно, то во многом. И это только еще больше выводило девушку из себя. Ее блуждающий взгляд случайно упал на газету, на странице было расписание движения поездов. Только профессиональная выдержка и хорошее воспитание не позволили ей запустить ему вслед бутылкой. Аня встала, аккуратно придвинула стул и вернулась за свой столик. На немой вопрос в глазах девчонок она спокойным тоном ответила:

— Не всегда удается выиграть процесс.

Ууууу, как все запущено...

Девчонки кинулись ее утешать:

— Анька, не бери в голову, подумаешь, какой-то придурок!

— Да он точно придурок!

— Выпей лучше!

— Пошли танцевать!

Действительно, лучше пойти танцевать, чем сидеть и чувствовать себя, как помоями облитой. Тем более, что мужиков кругом полно, вон симпатичный парень танцевать приглашает. Аня старалась думать о хорошем, а у самой все внутри тряслось от злости на себя, обиды и унижения. Все веселье пропало, ей лучше уйти.

— Девочки, вы оставайтесь, а я пойду, нехорошо мне что-то.

— Анька, может пойти с тобой? — спросила маленькая Рита.

— Нет девочки, вы гуляйте, вечер только начал набирать обороты. А я пойду, прилягу. Может, посплю и полегчает.

— Ну, смотри, если что — звони, — Нина была серьезна и смотрела на подругу озабоченно.

— Да все в порядке. Все, пошла я. Гуляйте дальше.

Девчонки остались, а Аня улыбнулась, встала и пошла к выходу.

Расстроенная и погруженная в свои мысли Аня не обращала внимания на то, что происходит вокруг. А зря. Потому что, когда давешний мужик из ресторана, внезапно возник

перед ней, была откровенно поражена. Она как раз открыла дверь в номер и собиралась войти.

— Не спешите, красотка, — он взялся рукой за дверь, не давая ее захлопнуть.

— Какого черта, вас ведь не интересуют шлюхи? — это уже был чистый кураж.

— Но я не сказал, что я с ними не сплю.

— Да как вы смеете!?

— Просто.

Она даже смогла бы описать чувства, которые в этот момент испытывала. Упавшее настроение внезапно подскочило вверх, ее охватил гнев, радость борьбы и возбуждение. Резко нахлынувшее сексуальное возбуждение. С таким коктейлем Молотова в крови только падать в кровать! И ей вдруг захотелось упасть с ним в кровать, с этим ледяным королем. И тут же поднял голову дух противоречия. Не станет она с ним спать! Ни за что! Но мужчина тоже не стоял без дела, он ловко подхватил ее под локоть и, легко подталкивая, как-то незаметно заставил войти в номер.

Дальше все произошло мгновенно и сумбурно. Она пыталась сопротивляться, но он был властен и грубоват и нежен одновременно. И он сводил ее с ума своей необузданностью и ненасытной обжигающей страстью. Уже после, приходя в себя и дрожа от пережитого наслаждения, она пыталась осмыслить. Что это было?! Что это, неужели это и есть секс?! Невероятно, болезненно-сладко, прекрасно и блаженно. Неужели, все девственницы испытывают такое? А что же ей ввали про дикую боль и реки крови... Ага... наверное, чтобы вела себя "хорошо"? Нет боль была, но исчезла так незаметно... Открыв глаза, Аня взглянула на него:

— Я даже не знаю, как тебя зовут.

— А зачем тебе знать мое имя?

Он отстранился и стал одеваться. Волшебство закончилось сразу.

Стало мерзко, стыдно и обидно. Она съежилась в постели.

— Зачем?

— Что зачем, — он удостоил ее взгляда холодных серых глаз.

— Зачем ты пошел за мной, зачем все это?! — она сорвалась на крик.

— А ты не поняла?

— Нет!

— Ты просто маленькая, зажавшаяся и избалованная сучка, привыкшая безнаказанно получать все, что захочется. Кто-то должен был научить тебя тому, что за свои слова надо отвечать, — он протянул руку, потрепать ее по щеке.

Девушка отшатнулась с омерзением:

— Не прикасайся ко мне, я закричу!

— Оооо, ты и так уже кричала на весь отель, как мартовская кошка, — его циничный смех убивал.

Нисколько не смущаясь, он закончил одеваться под ее ненавидящим взглядом, потом подошел к входной двери, полез в карман, вытащил деньги и положил их на тумбочку со словами:

— Твой заработок, детка. Ты была неподражаема.

— Запихни свои деньги знаешь куда! Козел!

У Ани потемнело в глазах, она вскочила и с криком набросилась на него, испытывая нестерпимое желание со всей силы врезать по его циничной физиономии. Но мужчина

успел выйти в коридор и уже оттуда презрительно и насмешливо спросил:

— Что, так и будешь бегать голышом? Аааа, я понял, ты собираешься пригласить еще кого-нибудь в свою постель? Ну что ж, вперед, удачи, детка! — он шутовски отсалютовал ей и пошел к лифту.

Яростно чертыхаясь и кляня себя последними словами, Аня выбросила в коридор его проклятые деньги и захлопнула дверь. А потом сползла по стенке на пол. Девушка горько рыдала, привалившись боком к той самой тумбочке, пока силы не оставили ее. Ане стало холодно, она встала и пошла в душ. Долго стояла под нестерпимо горячими струями, обжигающая вода потихоньку помогла ей отогреться и расслабиться, но холод, поселившийся в душе, согреть не могла. Если бы можно было смыть с себя все.

Все, что случилось за этот вечер.

Он спускался в лифте и не мог собраться с мыслями.

Выпить. Надо поскорее выпить!

Какого черта он все это сделал?! Задавая себе подобный вопрос, мужчина не смог бы на него ответить. Зачем, зачем он потащился за ней?! Нельзя же до такой степени не владеть собой! Она была девственницей... Она была... Мужчина тряхнул головой, отгоняя безумное воспоминание, ее крики наслаждения до сих пор стояли у него в ушах, руки тряслись, а тело окатывало волной желаний. Выбрался где-то на нежилом этаже, стоял, прижавшись лбом к стене, никак не отпускало. Ударил кулаком в стену, еще и еще, до тех пор, пока не разбил костяшки в кровь. Боль немного успокоила бушевавшее в крови желание.

Выпить! Он пошел в бар.

Аня вышла из душа, чувствуя себя совершенно больной, и заползла в постель. Уткнувшись в подушку, она снова стала вспоминать все подробности прошедшего вечера, накатила жалость к себе и обида. Злость на себя. Как же так, она же не собиралась ничего такого делать... Что с ее мозгами случилось...? Но сейчас-то мозги включились, и они судорожно работали, пытаясь придумать, как ему отомстить. Этому гаду. В конце концов, она адвокат, пусть и только-только из института и ни дня не работала. При желании, она может посадить его за изнасилование. Но при мысли о том, что придется выворачивать перед всеми свое грязное белье, ее просто перекосило. Она не станет этого делать. Да и было ли это изнасилованием?

Было. Но. Она сама спровоцировала его, она сама хотела его, как ничего и никогда в жизни не хотела. И, если честно, он... У нее не было слов, чтобы описать то наслаждение, что он ей подарил. И унижение. Она запомнит это на всю жизнь. Но воспоминания о пережитом в его объятиях блаженстве не оставляли ее, возвращаясь снова и снова. В сердцах, она стукнула кулаком подушку, и тихо заплакала от жалости к себе. Так незаметно в слезах Аня заснула.

А он спустился в бар, потом вернулся в ресторан, где продолжали всю гулять Анины подружки, посидел немного, чтобы его видели, и снова пошел в бар. Просто вместе с обретенным самообладанием, вернулись и способности здраво мыслить. Он фактически

изнасиловал девушку, и та, если захочет, может доставить ему массу хлопот. Мужчина надирался в баре, ругая себя последними словами. Алкоголь не брал его, а желанное успокоение не приходило, в конце концов, он поплелся к себе в номер и забылся тревожным сном.

Завтра будет видно.

Утром отвратительные эмоции вперемешку со сладкими воспоминаниями рано заставили Аню выползти из постели. Умываясь, она разглядывала свое лицо в зеркале. Даааа. Глаза красные, нос опухший, в таком виде показываться нельзя. Про душевную боль вообще вспоминать не хотелось. Она просто приказала себе ничего не чувствовать. Надо держаться так, будто ничего и не было. Еще бы придумать, что девчонкам врать... Одна надежда, что они раньше полудня не проснутся после вчерашнего.

А не пойти ли в бассейн? Эта мысль ей показалась самой лучшей, Аня быстро собралась, но перед дверью замерла в нерешительности, потом все-таки с опаской выбралась из номера и отправилась плавать. В глубине души жил страх столкнуться с этим типом вновь. Вот чего ей точно не хотелось, она бы провалилась сквозь землю или накинулась на него с кулаками, Аня сама не знала. Но все прошло нормально, никто по дороге ей не встретился, она наплавалась, успокоилась и взяла себя в руки. Моесь в душе после бассейна, девушка даже смогла почувствовать себя чистой, в конце концов, потеря девственности не такое уж трагическое событие, а если учесть все обстоятельства... Можно сказать, что ей в чем-то повезло. Осознав ход своих мыслей, Аня засмеялась, сначала тихонько, потом все громче, под конец она хохотала во все горло. Но смех оборвался внезапно, по щекам потекли слезы. Потому что унижения пережитого она тоже не забудет. Она постояла под душем еще, прохладная вода смыла горечь и соль.

Ну вот, теперь она готова встретиться с девчонками и вести себя, как ни в чем не бывало. Почти...

Михаил Кольцов, а именно так звали героя-любовника, проснулся уже после полудня. Потер памятью заросшую физиономию, глянул на часы. Ну, раз его до сих пор не потащили в полицию, значит, девчонка не стала поднимать шума. Сегодня ему вчерашние дела показались еще гаже. Он застонал от собственной глупости и презрения к себе. Как он мог?! Он ведь не мальчишка сопливый? Ну, подумаешь, девочка решила подурачиться и присела за его столик. И в какой момент его проклятые мозги отказали?! Он встал, глянул на себя в зеркало, кошмар... Бриться не хотелось, но Миша заставил себя. Водя бритвой по физиономии, он все пытался понять, какого черта он вчера вытворял.

Заглянув в себя, мужчина не мог не признаться, себе-то чего уж врать, он заметил ее самого начала, и весь вечер не спускал с нее глаз. Она казалась ему такой настоящей, живой и привлекательной, что он невольно загляделся. А когда подседа к нему с вызывающим видом наглой, непуганой, сытой кошки, он страшно разозлился, как будто она разрушила что-то в его душе. А это ее предложение переспать и вовсе вывело его из себя, он решил поставить ее на место. Каждый должен отвечать за свои слова.

А она оказалась девственницей. И сейчас он чувствовал себя ужасно, потому что был скотом, насильником, и он ее унижил.

Сама напросилась! Сама...

Но ничего подобного он ни с кем не чувствовал! Мужчина в нем никогда не сможет забыть ее. Закончив бриться и вытирая лицо полотенцем, он прижал руки к глазам, качая

головой. Было кое-что в его мыслях, что его настораживало. Во-первых, он почему-то был уверен, что повторись все сначала, он поступил бы точно также. Он точно сошел с ума, он хотел ее еще сильнее, чем вчера. А во-вторых, он настолько потерял голову, что забыл обо всем на свете, и не предохранялся.

Михаил Иванович Кольцов, 32-летний преуспевающий генеральный директор NN одного из филиалов корпорации, занимающейся информационными технологиями, все яснее осознавал, что ему, видимо, придется на ней жениться, иначе неприятностей не избежать. К тому же, его замучает совесть. Проклятое рудиментарное чувство! Проклятое воспитание! Какой же он идиот! Он так привык к тому, что разнообразные хищные стервы пытаются выйти замуж за его деньги, столько времени сторонился подобных ситуаций. И теперь так влипнуть! Он швырнул полотенце на пол и оперся руками в край раковины. Как некстати все это...

Нет. Он не станет спешить кидаться «в петлю», может все и образуется.

Поест в ресторан Кольцов спускался напряженный, как натянутая струна. Нервничал, как мальчишка, которого поймали за непристойным занятием в туалете, а теперь ведут к директору школы. Причем ведут по минному полю. Все время оглядываясь по сторонам, Михаил и боялся встретиться с ней, все-таки осознавая, что страшно обидел девушку, и подспудно желал этого.

Надо как-то загладить свою вину, может, предложить ей денег... Нет, черт побери... Не возьмет... Черт! Черт! Черт!

Мысли ездили по кругу, а ему просто хотелось увидеть, почувствовать ее снова, чтобы убедиться, так ли это сладко, как ему вчера показалось. Потому что его расстроенная похмельем психика все время сползала во вчерашнее блаженное безумие, по-новой погружая его в те невероятные ощущения. Проклятый флэшбэк.

В душе теплилась наивная надежда, что девчонка уехала, и он будет спасен от необходимости с ней встречаться и что-то решать. Но было еще кое-что, в чем мужчина не желал себе признаваться, он боялся того, что она уедет, и он больше никогда ее не увидит.

Положение дурацкое...

Когда надеешься чего-то избежать, можешь быть уверен, что именно это и произойдет.

Аня вместе с подругами, которые наконец-то пробудились и теперь, созрев пойти поесть, спустились в ресторан и столкнулись с Михаилом в дверях. Когда девушка увидела своего вчерашнего любовника, ее словно током ударило, словно окатило кипятком и льдом одновременно. Он выглядел сумрачно, держался отчужденно, и ей показалось, что при виде ее еще больше почернел лицом. Хорошо, хоть не шарахнулся, как от прокаженной! Гад. Ей пришлось приложить все силы, чтобы хоть как-то держаться. Анна даже смогла изобразить безразличие и отвернуться. Сердце бешено стучало в ушах, во рту стоял противный металлический привкус паники, она сейчас ничего не видела и не слышала, просто как-то смогла пройти мимо него вместе с подругами. Девушки мельком взглянули на мужчину и переглянулись.

Нина, шедшая рядом, негромко спросила:

— Аня, это не тот вчерашний тип?

— Что? А... Этот... Не помню, кажется.

Нина пристально посмотрела на подругу и прошептала ей на ухо:

— Не нравишься ты мне, подружка... Аня, что с тобой такое?

— Со мной? — Аня сделала усилие над собой, чтобы улыбнуться, — Со мной ничего.

Но холодный пронизательный Нинкин взгляд смотрел ей прямо в душу, видя там панику и смятение. Однако подружка сжалась, и проговорила сквозь зубы:

— После поговорим.

Девушки заняли места за столом, Аня постаралась сесть так, чтобы не смотреть в сторону двери, чувствовала себя ужасно, аппетит пропал начисто. Хотелось сбежать, но нельзя, чтобы подружки о чем-то догадались. Что-то съела не чувствуя вкуса еды. Слава Богу, он так и не вошел! Она бы не выдержала. Девушки собирались на пляж, но ей хотелось побыть в одиночестве, сдерживаться было все труднее. Через силу поклевав что-то для приличия, Аня сказала, что видимо, отравилась вчера, лучше ей вернуться в номер, и ушла к себе, всю дорогу боясь снова его встретить. Упала на кровать, подтянув коленки к подбородку. Больно. Закрывает глаза. Поспать.

Потом передумала, решила взять мопед в прокате, может, погоняет по улицам, и пройдет это ужасное чувство. Надела любимую огромную синюю майку старшего брата, удобные просторные джинсы, кеды и быстро спустилась вниз. Пункт проката был рядом, совсем недалеко от въезда в паркинг.

Чего Миша никак не ожидал, это того, что брезгливое отвращение на ее лице так его ранит.

— Ты идиот! Идиот несчастный! А чего ты, собственно, ожидал?! Чего ты хотел, чтобы она бросилась в твои объятия? Бред! Радуйся, что она видеть тебя не хочет, — думал он.

Есть резко расхотелось, он вернулся в номер. А настроение, и без того никакое, стремительно портилось, почему-то вид ее искаженного неприязнью личика, словно кислотой разъедал его душу. Он уедет. Просто сейчас соберется и уедет отсюда к чертовой матери, все равно весь уикенд испорчен. Хорошо, хоть девчонка шум не подняла, вот и надо валить пока не поздно.

— Какой же вы подлец, однако, Михаил Иванович. Позорите честное имя Кольцовых. Покойный папа перевернулся бы в гробу. А... К чертям! Она сама напросилась! — бормотал Михаил, пакуя чемодан.

Он прекрасно понимал, что порядочный мужик так никогда бы не поступил, а ему хотелось считать себя порядочным. Но, черт побери! Жениться ему вовсе не хотелось! Правильнее всего было поскорее сбежать. Да, сбежать. И плевать на всё! Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо! Ну почему, почему его так заливает желанием всякий раз, когда он об этой девчонке думает!? Господи...

Пока его выписывали, Михаил чувствовал себя как на мушке у снайпера, он страшно спешил убраться из этого отеля, из этого города, из страны. Быть подальше, забыть, как страшный сон. А вторая половина его души кричала:

— Что ты делаешь?! Что. Ты. Делаешь?! Вернись, надо все исправить. Пока еще можно Ты же никогда не сможешь себе простить. Ты же ее хочешь! Сдыхаешь, как хочешь...

Бежать!

Он вырулил со стоянки и уже выезжал на главную дорогу, когда на перекрестке в него со всей дури врезался какой-то паренек на мопеде, внезапно выскочивший из-за стоявшего впереди микроавтобуса. Отвратительный скрежещущий звук, грохот, парня вместе с

мопедом отбросило чуть ли не под колеса встречных машин. Все произошло мгновенно. Михаил видел происходящее как в замедленной съемке, мыслей никаких не стало, мозги спрятались в спасительное небытие. Он схватился обеими руками за руль и застонал, приложился пару раз лбом, да посильнее, потом застыл на несколько секунд. Взял себя в руки и выскочил из машины. Надо посмотреть, что с парнем, в больницу везти, срочно. Щуплый мальчишка в широченной синей майке, испачканной кровью, в бесформенных джинсах, в кедах. Обувка с одной ноги слетела, нога была маленькая, в беленьком носочке.

— Подросток, в ушах затычки, небось, свой рэп дурацкий слушал, — думал Михаил трясущимися руками снимая с мальчишки шлем.

И вдруг! Судорогой пронзила кошмарная догадка. Из-под шлема вывалились длинные густые каштановые волосы. Он в каком-то священном ужасе повернул парня лицом к себе...

Господи... Это судьба.

Проклятие, он сбил ЕЁ! ЕЁ!

Скорее в больницу. Михаил прижался ухом к ее груди, сердце билось. Господи, она же не умрет... Пожалуйста, Господи!

Мужчина пришел в себя, только когда уже сдал ее в приемный покой. Все это время он действовал в каком-то тумане на полном автопилоте, зато в душе его воцарилось спокойствие. Выбора уже не было. Всё. Теперь у него путь один.

Машина осталась там, он бросил все на месте, привез ее на удачно подвернувшемся такси. Все потом. Полиция, эвакуаторы, все. Сейчас надо убедиться, что девчонка будет жить. Выкурил тонну сигарет, пока ждал. Он всем сказал, что это его невеста. Теперь он уже знал, как ее зовут, из отеля сообщили, обещали подвезти документы. Анна Дмитриевна Зацепина. Кто бы мог подумать, что так придется знакомиться со своей будущей женой?! Но ему было уже все равно, он решился.

Медперсонал проникся к нему сочувствием, а к пострадавшей легкой завистью, сестрички шептались:

— Так ее любит...

— Нервничает как, вон как паровоз курит...

— Счастливая она, какой мужик...

Передали, приходит в себя.

Михаил, как только сообщили, что девушка приходит в себя, рванулся в палату, попросил оставить их наедине. В тот момент он чувствовал себя так, словно от нее зависит его жизнь. Впрочем, в какой-то степени, так оно и было. Мужчина с трепетом ждал, когда она откроет глаза.

В сознании пульсировала боль.

Как же голова болит... Сейчас мозг взорвется... Бок, рука, все саднит... Аня наконец смогла разлепить глаза. Сквозь ресницы проник свет и какое-то размытое видение. Попробовала навести резкость. Ей привиделся ангел, золотом сияли его волосы, серые глаза лучились светом, тревогой и заботой. Какой красивый...

Какой красивый, желанный...

— Ты... — радостно прошептала девушка.

И улыбнулась, глаза снова закрылись.

— Аня... Аня, подожди, не спи...

Синие глаза открылись снова, теперь в них было больше смысла, потом и вовсе пришло узнавание:

— Ты...

Радость сменилась неприязнью, она попыталась отвернуться.

Ее нежелание видеть его больно резануло по сердцу. Михаил отвернулся на несколько секунд, потом повернулся к ней снова, наклонился, Аня попыталась отстраниться:

— Не прикасайся ко мне, — едва слышный хриплый шепот.

— Аня, ты помнишь, что произошло?

— Да, я все прекрасно помню, — она отвела глаза, не желая его видеть. Движение отдалось болью, девушка застонала.

— Не шевелись, тебе нельзя. У тебя ничего не сломано, но есть сотрясение и ушибы. И ссадины... — он видел, что девушка с трудом заставляет себя слушать, — Аня, нам ведь не нужно лишних проблем?

Она удостоила его вопросительного взгляда.

— Ни тебе, ни мне не нужно, чтобы наши имена в судах трепали.

Аня тихонько хмыкнула, адвокату, конечно же, не надо, чтобы его имя трепали в судах. Ха! Вслух ничего не сказала, просто подумала:

— Сейчас начнет деньги предлагать, урод...

А он предложил ей пожениться. Сегодня же. Сам все уладит.

Ей стало не по себе, подозрительно стало.

— Зачем?

— Что зачем?

— Зачем тебе всё это?

— А ты не понимаешь?

— Нет, может, объяснишь? — зло прошептала Аня, преодолевая головную боль.

— Во-первых, мне не нужен лишний шум, не нужна полиция, не нужны суды, у меня бизнес. Во-вторых, — тут он помедлил, — я уже понял, что тебе тоже ничего этого не нужно.

Он с намеком поднял одну бровь, разговор потихоньку обретал нагло-циничную форму, которая почему-то сама собой выходила у него при общении с ней. Аня закрыла глаза, накатило легкое отвращение. А он продолжал:

— Если поженится сегодня, все будет выглядеть совсем иначе. Пресса начнет

захлебываясь обсасывать романтические подробности, бла, бла, бла... И наш имидж, в итоге, только приобретет.

— А ты всегда, прежде всего, думаешь о делах, — это было утверждение.

Ему было неприятно, тошно от всего этого, но надо было ее убедить. Тут он вспомнил вообще историю их знакомства и вдруг понял, что ее надо разозлить. Тогда она примет правильное решение.

— И в-третьих, куколка моя, ты же хочешь меня, вот ты меня и получишь.

Судя по тому, как ее синие глаза зажглись от ярости и возмущения, он понял, что все сделал правильно.

— Ну же, у тебя не будет другого шанса заполучить меня в мужья, — он даже позволил себе циничную усмешку.

Провокация удалась, ее все-таки пробило на кураж!

— Как знаешь, как знаешь... Только брак будет фиктивным. Ты ко мне больше не прикоснешься!

— Как скажешь, дорогая, только ты сама первая запрыгнешь на меня...

— Я не...

— Все-все! Так ты согласна?

— Да! — мстительно прошипела Аня.

— Вот и отлично! Никуда не уходи отсюда, — при этих его словах Аня фыркнула, а Миша победно улыбнулся, — Я все улажу, нас распишут сегодня же. И вообще. Я все улажу.

Он попытался взять ее за руку, но она руку отдернула. Тогда он сделал примирительный жест и собирался уже уходить, как в палату ввалились Анькины подружки. Смерили его уничтожающими взглядами:

— Аня, ты как?!

— Что случилось, ты же вроде спать пошла?

— А этот тип что здесь делает?

Аня вяло ответила подругам:

— А этот тип мой жених. Мы поженимся сегодня.

Михаил не стал дожидаться, пока они закроют рты, у него и так дел было полно. Позвонить нужным людям, везде дать денег, все утрясти, подготовить. Времени мало, надо успеть. Он пригласил их всех на регистрацию и побежал по делам. Вошла сестра, дала Ане обезболивающее.

Нина прищурилась и спросила прокурорским тоном:

— И???

— Ну, как-то так... — Аня попыталась улыбнуться.

— Вот не зря я подозревала!

— Анька, тебе повезло... Такой мужи-и-и-к, — Ритке и Маринке жених понравился.

Лена вздохнула с умилением, подкатывая глаза:

— Как в сериале. Обожаю свадьбы... Счастливая ты...

Не стала Аня никого разубеждать, но только счастливой себя не чувствовала совершенно. Она все надеялась, что у него ничего не выйдет. А в глубине души дрожала крошечная надежда, она бы под пыткой не призналась, но ей хотелось за него замуж, очень хотелось...

Сегодня же во второй половине дня их зарегистрировали прямо в палате, было телевидение. Теперь она жена Михаила Ивановича Кольцова. Постепенно до Ани доходило,

что этот тип, ее новоиспеченный муж, может купить практически все. И это вызывало в ней протест. Она не продается. Совершенная однажды глупость еще не повод, чтобы продаться с потрохами. Красивый, циничный богатенький гад.

Пусть он может все, она ему принадлежать не будет. И пусть даже ей этого хочется, хочется так, что... Гад... Красивый, как же он ей нравится... гад...

Он на ночь остановился в том же самом отеле. Перед сном все думал, как странно жизнь повернулась. Как глупо и бестолково все.

— Ну, во всяком случае, папе не придется переворачиваться в гробу! — эта мысль, выраженная вслух, заставила его улыбнуться.

Зато, она теперь принадлежит ему и, чтобы она там себе не думала и не говорила, он будет делать с ней все... ВСЁ... Всё, что пожелает. Мужчина застонал, дрожь и томительно сладкие волны желания захлестнули его, в эту минуту он хотел ее до сумасшествия.

Хоть в чем-то повезло.

Правда, есть очень и очень важный момент, который он спустил на тормозах. Неприятный холок пробежал у него по спине, Михаил сел, опершись руками в колени.

Черт побери... Брачный контракт не заключали, теперь она при желании может отсудить у него кучу бабок, если вздумает развестись... Он закрыл лицо руками и покачал головой.

Лох, последний лох. Его развели как мальчишку! Правда, такую ситуацию невозможно было спланировать заранее, хотя... Кольцов начал судорожно вспоминать, кто из его врагов мог бы подстроить подобную ловушку. Конечно, были умные и мстительные дядечки, которым он в свое время перешел дорогу, но чтобы так его просчитать до мелочей? Нет. Да и не реагировал никогда так, он вообще хищных дамочек к себе на пушечный выстрел не подпускал. А тут... И она не показалась ему корыстной. Взбалмошной, дерзкой, избалованной, самоуверенной, но не корыстной... Впрочем, кто его знает, как она покажет себя.

— Михаил Иванович Кольцов, Вы лох обыкновенный, так и называется ваш подвид человека разумного. Обдерет она Вас как липку и будет такова, — произнес он со вкусом.

От таких мыслей резко захотелось выпить. Сидеть в номере стало трудно, стены давить начали, пошел в бар. Ссутулившись над барной стойкой и потягивая свой виски, он постепенно упорядочил разбредающиеся в панике мысли. Он просто не даст ей развод. Ни при каких обстоятельствах. И будет держать ее в ежовых рукавицах, что-что, а это он сумеет. Хищная улыбка на его лице ознаменовала благополучный подъем настроения, он даже стал оглядываться, не найдется ли кого-нибудь, чтобы сбросить напряжение. Напротив сидела симпатичная, ненавязчивая и, можно даже сказать, интеллигентная шлюха лет тридцати. Стройная, длинные светлые волосы, крашенные, разумеется, но ухоженные, карие глаза смотрят с интересом. Михаил взглянул на нее повнимательнее, в ее глазах зажглось предложение. А почему бы и нет? Он кивнул головой на выход, женщина призывно улыбнулась, тряхнув светлой гривой, и пошла к дверям. Михаил пошел вслед за ней.

— К тебе или ко мне?

— Ко мне, — ему лень было двигаться лишний раз, хотелось просто получить удовольствие и заснуть, одному и в своей постели.

Женщина попыталась сказать:

— Меня зовут...

— Не надо имен.

— Так даже лучше, — она приблизилась и обняла его за талию, — Пошли?

— Да, пошли.

Миша курил, лежа в постели. Его случайная подружка уже ушла. Она была хороша. Опытная и, что редко встречается, с воображением. Можно сказать, с творческим подходом к сексу. Мужчина ухмыльнулся. Было очень хорошо, но как-то... Блиин... Совершенно не то! Совершенно! Что такого в этой сучке нахальной, что его так корежит от одних мыслей о ней? Ничего, он до нее доберется, ишь, выдумала, фиктивный брак! Он с нее все получит! Всё! А пока... Пока, да здравствуют шлюхи! И вообще, он теперь женат, теперь можно спать с кем захочется, бояться-то уже нечего. Самое страшное уже случилось. Он затушил сигарету, сцепил руки на затылке и откинулся на подушку. Спать, черт побери. Спать. Завтра еще весь день торчать в больнице. Когда еще ее выпишут, надо будет ускорить. В размышлениях он незаметно уснул.

Анины подружки сегодня вечером сидели в ресторане, не очень весело справляя Анькину свадьбу. Еще бы. Может, какая-то доля романтики в том, чтобы расписываться на больничной койке и есть, но поверьте, совсем не об этом мечтает каждая девушка. Они даже были против обыкновения молчаливы. Общее мнение выразила Марина:

— Мужик мутный, но с большими бабками.

— Да и Бог с ним, лишь бы Аньке было хорошо, — Рита была полна оптимизма.

Нина покачала головой, не разделяла она Риткиного радужного настроения, не показалась ей Аня счастливой, совсем не показалась, наоборот, было во всей ситуации что-то болезненное и насильственное.

А Лена вздохнула, от чего ее шикарная Кустодиевская грудь всколыхнулась, и предложила выпить за Анькино счастье. За что и выпили. Потом предложила:

— А чего все закисли, как на поминках? Чай подругу замуж выдали! А как там оно будет — жизнь покажет. Пошли танцевать! За себя и за Аньку!

Четыре красавицы пошли отжигать на танцполе. Высокая Марина с Микрой Ритой, а Нина с Леной. Очень скоро их пары разбились присоединившиеся парни. Гремел рок-н-ролл, девчонки «прыгали, вертелись и кружились, так, что пол ходил ходуном». Летящие юбки, смех, покрасневшие щеки.

В дверях стоял мужчина, симпатичный, лет за тридцать, хорошо и дорого одетый, высокий кареглазый брюнет. Волосы кудрявые, маленькое уютное брюшко, вообще весь уютный, глаза веселые, честные, такими глазами смотрит на хозяйку кот, обожравшийся сметаны. Сейчас эти глаза, не отрываясь, глядели на шикарную девушку с фантастическими формами, которые нельзя испортить никакой диетой. Пусть говорят что угодно, но ему, как мужику, нравилось настоящее, сочное, жизнерадостное мясо! А не унылые косточки, слегка прикрытые дряблым жирком.

Мужчина уже выходил из зала и тут увидел ее. Пожалуй, рановато он спать собрался, стоит вернуться и немного потанцевать. Он пригладил кудрявую шевелюру, поправил пиджак, потом решительно направился прямо к приглянувшейся девушке, мелодия как раз сменилась на медленную. Мужчина галантно пригласил даму на танец, девушка стрельнула огромными серыми глазами и согласилась. Прижимая к себе эту роскошь, он вдруг подумал,

что у нее самый подходящий размер, как раз ему до глаз достает макушкой, не надо будет низко наклоняться, чтобы поцеловать. Потом понял, что слишком увлекся своими мыслями и, легко вздохнув, закружил ее в танце.

Что и говорить, мужик Лене понравился. Он приглашал ее еще пару-тройку раз, но мрачная Нинка увела всех спать. И вообще сказала:

— С вами глаз да глаз, вот, стоило чуть расслабиться, так Аньку проглядела. Спать!

Поворчали, повздыхали, но послушались. И правда, поздно. А завтра с утра надо в больницу к Ане.

Девушки ушли, его пышная красавица вместе с ними, а он смотрел вслед. Богиня. Волосы золотые, кожа светится, смех звенит, как колокольчик, а глаза... Мужчина пришел в восторженно-мечтательное настроение.

Симпатичного мужика звали Анатолий Костенко. Он каждое лето приезжал сюда вместе со Строительной выставкой, представлял свою фирму по производству витражей и навесных фасадов, привозил образцы, рекламные проспекты. На таких выставках часто заключаются очень выгодные сделки. Он никогда не упускал возможности поучаствовать. Остановливался обычно в тех гостиницах, что поближе и поспокойнее. А в этом отеле остановился первый раз, не любил жить в таком муравейнике, но сейчас ему понравилось.

Та девушка... Как он не сообразил взять у нее номер телефона, совсем мозги растерял, надо будет найти ее завтра. Они вроде в этом же отеле остановились. Толя потер шею, на лицо его сама собой напозла улыбка. Он проговаривал про себя, что скажет ей при встрече, представлял, как у нее заблестят глаза... Потом затряс головой и тихонько засмеялся. Спать идти совершенно не хотелось, он решил выйти прогуляться.

Уже лежа в постели, Лена вспоминала, какие у этого парня глаза, ласковые... И весь он такой... совсем как ее любимый плюшевый мишка...

Это может показаться смешным, но дома сия пышная золотоволосая нимфа до сих пор засыпала в обнимку со своим старым плюшевым медведем.

Перед тем, как пойти к своей новой жене в больницу, Кольцов забежал в цветочный магазин и выбрал огромный букет самых лучших роз. Он почему-то волновался, как будто шел на первое свидание. Ну, вообще-то, в этом есть доля правды, они же совершенно не знают друг друга. Все сведения об Анне Зацепиной (теперь Кольцовой) ему доставили еще вчера вечером. Надо же, адвокат будущий. Будет умницей, возьмет ее к себе в бизнес. Он пытался мыслями о делах заглушить тот внутренний трепет, который охватывал его при мысли о том, что вот сейчас он ее увидит. Ночное приключение уже стерлось из памяти, словно его и не было вовсе, и ему хотелось коснуться ее, хотелось увидеть улыбку, как тогда... Она, очнувшись после забытья, посмотрела на него, как на ангела Господня, улыбнулась и радостно прошептала:

— Ты...

Он постучался и, затаив дыхание, вошел.

Его встречал настороженный, неприязненный взгляд. Все хорошее настроение тут же свернулось холодным, злым комом, и вместо заготовленных добрых слов и улыбки, из него попер цинизм с кривой ухмылкой. Михаил подошел, опустил шикарный букет ей на кровать. Аня отвернулась. Его холодная ухмылка была хуже пощечины. Мужчина, увидев, что с ним никто не собирается здороваться, отвернулся и отошел к окну, ероша в волнении светлые волосы.

Он еще вчера настоял, чтобы ее перевели до вечера в лучшую палату, чтобы обслуживание было по высшему разряду, но, видимо, благодарности ему не дожждаться. Да ему обычной вежливости от нее не дожждаться! Смотреть на него не желает! Мужчина зло выдохнул и вышел из палаты. Аня откинулась на подушки, закрыв глаза. Медсестра щебетала, восхищалась чудесными цветами, в ее голосе сквозили нотки зависти. Как странно, ей все завидуют, а она чувствует себя ужасно.

Приходили подружки, фрукты принесли, одобрительно осматривали палату, восхищались букетом. Тоска.

Аня лежала в больнице уже третий день, завтра ее должны были выписать. Прошедшие два дня были не из приятных, с утра к ней приходил муж. Ставил на уши всех врачей, действовал на нервы ей, картинно изображал несуществующие нежные чувства и убирался. Уууу, лицемер. Цветы приносит, а у самого глаза как лед.

Потом приходили девчонки, галдели, сплетни рассказывали, от всего этого у Ани потихоньку начинала болеть голова. Если девочки, наконец, замечали, что она устала и выглядит больной, тут же начинали жалеть ее еще громче, в итоге, к тому моменту, когда все посетители уходили, голова у нее была квадратная и пульсировала от боли.

Оставшись одна, она закрывала глаза и, преодолевая головную боль, пыталась осмыслить все, что с ней случилось. Домой она не стала звонить, только мозг вынесут, или еще хуже, сорвутся и приедут. Может и стоило старшему брату все рассказать, но ей было ужасно стыдно за свою глупость. Так что, сама заварила кашу, сама и будет расхлебывать. Все равно, скоро домой ехать, там все и узнают.

Муж... Какой он ей муж. Чужой мужик, холодный, прагматичный циник с кучей бабок. Она ему совершенно безразлична, более того, он нисколько ее не уважает, женился только для того, чтобы его бизнес от лишнего шума не пострадал. Да уж... Повезло...

А она, такая дура, еще надеялась на что-то... Какая дууура...

И Аня утыкалась носом в подушку и тихонько плакала, потому что этот мужчина как клещ вьелся в ее сердце. Полюбила она его, гада. Когда только успела полюбить... Когда... Может, в самый первый вечер, когда увидела его за столиком, с газетой. А может, когда он показался ей золотистым ангелом. Теперь уже не важно. Важно, что у него к ней, кроме презрения, никаких чувств нету. Что хорошего может ее ждать в этом браке...

Для Михаила эти два дня тоже были непростыми. Трудно было приучить себя к мысли, что у него теперь есть жена. Бежал к ней в больницу, старался заботиться о ней, правда, старался, как мог. А эта... все время нос от него воротит. И почему его должно задевать, как она на него смотрит?! Какого черта ему не все равно, рада она ему или не рада?! А вот, поди ж ты! Не все равно. Его почему-то больно ранило, что девчонка не хочет его видеть. Ладно, она после аварии, стресс и все такое. Заберет ее домой, а там уже выдрессирует эту дикуую кошку, чтобы стала как шелковая.

Вообще-то, пока его жена лежала в больнице, Миша не скучал. У него каждую ночь была новая подружка. Из больницы он приходил на взводе, должен же мужик как-то напряжение стравливать, столько чего враз навалилось. Правда, приходилось соблюдать осторожность, не хватало сейчас по-новой впутаться еще в какую-нибудь историю.

— Ага. Ты бы раньше осторожничал, теперь не пришлось бы... — говори себе, не говори, а дело уже сделано.

И самое глупое в этом всем было то, что случайные подружки давали только кратковременное облегчение, но совершенно не могли притупить его голод по ней, по этой бестолковой, дерзкой и нахальной девчонке. Он с нетерпением ждал, когда же сможет забрать ее. Смешно. Самому смешно, прямо как подросток. Трясется от предвкушения, как юнец зеленый. Как все это бесит! Тьфу...!

А Толя Костенко все эти два вечера вертелся в холле отеля, заглядывал в ресторан, но тех девушек не было видно. А ему завтра уезжать, всего один сегодняшней вечер и остается. Расстроился, обидно, если он ее больше никогда не увидит, та красавица с золотыми волосами зацепила его. Чем больше о ней думал, тем желаннее она ему казалась. Оставалось только ругать себя последними словами, да надеяться на то, что может еще повезет. А если нет, то он будет жалеть всю жизнь.

Не пришла.

Он сидел в ресторане до упора, когда понял, что ждать уже нечего, ушел к себе в номер и лег спать. Как жаль. Завтра с утра самолет.

Выписываясь, он стоял на ресепшен и все озирался, а вдруг...

Уезжал с чувством потери. Дела были в порядке, даже более чем, но вот... увидеть бы ту девушку, хотя бы еще один раз. Не случилось...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Сегодня должны были выписывать Аню из больницы, Михаил все подготовил, он хотел лететь в тот же день, врачи, правда, не советовали, но и не запретили. Пришли девчонки, Аню усадили в инвалидную коляску и так выкатили ко входу. Там Миша, невзирая на вялые протесты, взял ее на руки и усадил в машину, она тут же отвернулась к окну. Коляску свернул и спрятал в багажник, все это с мрачным видом. Поехал в аэропорт. Девочки поехали за ними.

— Марин, мне кажется, или они оба какие-то... — Лена спросила шепотом, чтобы и без того сердитая Нина не услышала.

— Не кажется, — Нина услышала, — Позвоню-ка я Анькиным, а то, с него станется. Отвезет к себе и запрет девчонку. Видали, как он на нас смотрит? И откуда только взялся на нашу голову.

Нина набрала номер Аниного брата и аккуратно начала ему рассказывать, стараясь избегать критических замечаний и острых углов. И все равно по реакции Валентина поняла, что, во-первых, Анька ничего никому не сообщала, а во-вторых, Нине даже противно было подумать, какая встреча будет их ждать дома. Но лучше так. Нечего голову в песок прятать, чем раньше все вскроется, тем лучше. Анин брат тоже был не последним человеком в городе. Он работал следователем в прокуратуре.

Нина отзвонилась, молча спрятала телефон в сумочку, девчонки смотрели на нее, не отрываясь. Она оглядела их с вызовом:

— Что?

— Нет, нет, ты, конечно, права, — высказала опасение Рита, — Но может стоило подождать...

— Нет уж, пусть знает, что Анька не беззащитная.

Летели бизнес-классом, Аня не стала интересоваться, но билеты, видимо, были ужасно дорогие. Михаил устроил ее так, чтобы было удобно прилечь, а сам сидел, уткнувшись в окно, пару раз уходил курить. Аня все это время старалась делать вид, что спит, разговаривать не хотелось. Видно же, что он ей не рад, в тягость она ему.

Неприятным сюрпризом было то, что в аэропорту их встречал брат. Аня готова была провалиться сквозь землю, только и смогла, что вымученно улыбнуться. Валентин хмуро посмотрел на нее, кивнул каким-то своим мыслям и обернулся к новоиспеченному зятю, который в это время раздавал по телефону ценные указания своим людям.

Здесь Кольцов был совсем другим. Стальной, движения быстрые, голос резкий, указания четкие, расслабленный ленивый котище остался там, на отдыхе. Аня устало вздохнула. Брат протянул зятю руку и произнес:

— Будем знакомы, родственник. Валентин.

— Михаил, — тот пожал руку и вернулся к прерванному занятию.

Для Михаила было неприятно и как-то резко, вот так вдруг знакомиться с родственниками жены. Хорошо еще, всем табором не заявили, думал он. Потому вышло, что он, сам того не желая, игнорировал ее брата. Но тот был не из робких:

— Отвлекись, Михаил, успеешь по телефону поговорить. Давай-ка отойдем, есть у меня пара вопросов к тебе.

Михаил стиснул зубы, внезапно злость накатила, отключил телефон и сказал:

— Пошли.

Аня смотрела с волнением и невольным страхом. Брата она очень любила и немного побаивалась. Что теперь будет? Он же не заставит их развестись... Она не хотела разводиться, пусть он ее не любит, но может со временем... Она сама не знала, чего хочет, и от неизвестности волновалась еще больше.

Мужчины отошли в сторонку. Брат спросил:

— Рассказывай.

— А что рассказывать, — Михаил был зол и решил сказать правду, глядя при этом оппоненту в глаза, — Она спровоцировала меня на секс, а я потом на ней женился.

— А почему она в инвалидной коляске?

— А потому, что в аварию попала.

— Да ну?

— Я ее сбил... — голос звучал глухо.

— А вот отсюда поподробнее.

Михаил замялся, покривился лицом, произнося это вслух, он сам ощущал себя не слишком комфортно:

— Уехать хотел, а тут она под колеса... на мопеде летела...

— Значит, трахнул — и бежать.

— Но не сбежал же! — резко огрызнулся Кольцов.

Брат жены смотрел на него тяжелым взглядом, хотелось поежиться. Потом произнес:

— Будешь обижать ее, будешь иметь дело со мной. А вздумаешь бросить...

— Не вздумаю я ее бросить! Она теперь мне на всю мою жизнь жена! — вышел из себя Михаил, — И нечего меня пугать, никто ее обижать не собирается.

Он взъерошил пятерней волосы и бросил взгляд в ту сторону, где в коляске сидела его маленькая жена. Ему стало не по себе, девочка выглядела такой испуганной и подавленной, что это резануло его по сердцу, захотелось ее обнять, утешить. Домой. Надо ее забирать отсюда, извелась вся, она же плохо себя чувствует, а они тут...

Валентин наблюдал за ним все время. Он пришел к выводу, что зять его не подарок, конечно, но к Аньке явно что-то чувствует, вон смотрит как коршун. Ладно, время покажет. А вслух сказал, протянув руку попрощаться:

— Не буду мешать, вези домой девчонку, измучилась она. И учти...

Михаил взглянул на него исподлобья, потихоньку зверея от ситуации.

— А ты не смотри на меня так, привыкай, родственник, — Валентин улыбнулся.

Потом вернулся к сестре, обнял ее и прошептал ей на ушко:

— А он парень ничего, и к тебе не ровно дышит.

Она вскинула на него глаза, перевела взгляд на мужа. Тот очень пристально и мрачно смотрел на них, но сразу же отвернулся. Хотелось поверить брату, очень хотелось. Ведь не привиделась же ей та ночь. Он тогда не был равнодушным, каким угодно, но только не равнодушным...

— Лечись, давай, Анька, а я предков пока попридержу, не стоит им в таком виде показываться.

— Валечка, братик, спасибо тебе, — Аня, почувствовал привычную надежную защиту брата, не выдержала и расплакалась.

Ее слезы стали для Михаила последней каплей. Он рванулся к жене, подхватил на руки и понес к выходу через весь зал, крепко прижимая к груди ее хрупкое худенькое тело:

— Не плачь, не надо. Все будет хорошо.

Аня не знала, что сказать, ей было и страшно, и хотелось поверить, она уткнулась в его грудь и затихла. Ей казалось странным, что он все носит ее на руках, ведь видно же что злится, как цепной пес, смотрит на нее своими ледяными глазами, как будто заморозить хочет. А держит так осторожно...

Не мог он видеть ее в коляске, коляска обостряла его чувство вины до какого-то абсурда. Миша нес ее, прижав к груди. Какая же она тоненькая, легкая, даже легче, чем он помнил. Похудела в больнице. Он изголодался, все эти дни, словно томился на медленном огне, и теперь не мог дождаться, когда, наконец, разденет ее, прижмет к ней кожа к коже. Дыхание сбилось, накатило желание, мужчина на мгновение закрыл глаза, мягко и нежно прижав ее еще сильнее, словно хотел вжать в себя, она тихонько охнула и еле слышно застонала. Это заставило его опомниться, Михаил спросил прерывающимся голосом, не глядя на нее:

— Больно? Прости, я нечаянно.

— Нет, все в порядке, — как же ей было хорошо, когда он так прижимал ее к себе, как хорошо...

Коляску забрал один из тех парней, что встречали ее мужа на двух машинах. Михаил аккуратно посадил жену в огромный дорогуший джип, сам сел рядом. Пожилой шофер вежливо поздоровался:

— С приездом, Михаил Иванович. Как отдохнули?

— Спасибо, Петрович, хорошо, — невеселый голос не вполне соответствовал бодрым словам, — Поехали на дачу.

Петрович мельком взглянул в зеркало на девушку рядом с хозяином и плавно вырулил на дорогу. Он работал еще у Кольцова старшего, начинал совсем мальчишкой и не привык задавать лишние вопросы.

Ехали молча. Аня отметила, что муж вел себя с ее братом на равных, без барства, она была приятно удивлена. Потому как, очевидно, еще многому придется удивляться. Не прост он, ох, не прост. Такие как он не приезжают отдыхать в народные отели, как обычные искатели приключений. Что он спрашивается, там делал? У нее затекла шея, она пошевелилась и застонала. Михаил сразу же повернулся к ней:

— Что с тобой, где болит?

— Ничего, просто шея занемела, — она не стала говорить, что пока он ее нес, у нее разболелись и прижатые его руками бок и рука, и голова, и все-таки, несмотря ни на что, ей было очень хорошо в его руках, — Скажи, если не секрет..

— Что?

— Что ты делал в том отеле? Я же вижу, не твой это уровень.

Он покривился:

— Какая тебе разница? Просто сбежал от всего на пару дней, хотелось пожить, как обычный человек.

Аня взглянула на него:

— Не похож ты на обычного человека.

— Ты ничего обо мне не знаешь, куколка, — он криво ухмыльнулся и приподнял бровь, смерив ее раздевающим взглядом, — Но ничего, еще узнаешь, у тебя все впереди.

Ну почему, почему из него начинает переть этот цинизм, как только он чуть-чуть с ней поговорит! Вон, как сразу же замолчала и отчужденно уткнулась в окно, прямо как улитка закрылась в свою раковину. Черт!

Ей захотелось плакать, только что вроде был таким... нормальным, даже показалось, что с ним можно по-человечески разговаривать. И снова этот тон. Но она не станет плакать, не перед ним.

— Мне ничего не нужно узнавать, — Аня повернулась к нему лицом, голос был тихий, но твердый, — Мы поженились, если мне не изменяет память, только из-за того, что тебе не нужен был лишний шум, не нужна полиция, не нужны суды, у тебя бизнес. Ты сам так сказал. Ну вот, теперь шума не будет, незачем и притворяться. Брак у нас фиктивный. После того, как пресса наши косточки перемоет и успокоится, ты сможешь тихо и незаметно развестись.

Она была поражена, как сверкнули гневом его глаза. Стало даже страшно, когда он яростно прорычал низким голосом:

— Развестись, говоришь?! Нет. Мы не будем разводиться. Ты моя жена, и ты принадлежишь мне, черт побери!

— Я не вещь, чтобы тебе принадлежать!

Теперь они оба тяжело дышали возмущением, уставившись каждый в свое окно.

Разведется она! И сразу помчится в суд, чтобы у него половину бабок отсудить! Маленькая жадная тварь... Не заслужила еще бабок! Она у меня каждый скормленный витамин отработает! — мысли кипели злобой. Но сколько не убеждай себя, якобы девчонка легла под него ради денег, он понимал, что виноват во всем сам. И теперь пытается выпачкать ее в грязи, чтобы было легче оправдать собственное скотство.

А он не привык ощущать себя скотом, его мучили и раздирали противоречия. Все равно, не смотря ни на что, оставалось подозрение, что девчонку кто-то ему подложил, слишком уж укоренилась у него привычка ко всему относиться с подозрением. Но это подозрение, маячившее на заднем плане, не шло ни в какое сравнение с тем гремучим коктейлем из постоянного возбуждения, злости и неутоленного желания. Ко всему еще примешивалась какая-то детская обида, что не ценит она ничего из того, что он для нее делает. В такие моменты он чувствовал себя отвратительно.

Ане казалось, что он только рад будет от нее избавиться. Потому что ей в лучшем случае уготовано сомнительное счастье стать его очередной постельной игрушкой. Пока игрушка новая, он будет играть, а как наиграется — старую можно благополучно выбрасывать и выбирать новую. Он так привык легко получать от жизни все, в том числе и это... Что будет с ее сердцем, оно же просто разорвется от боли. Ей было горько, но остатки гордости не позволяли показать, насколько он ей дорог. Она ведь совершенно не хотела развестись с ним, она хотела, чтобы он ее любил. Глупость какая, он никогда ее не полюбит, он же ее за человека не считает.

Петрович был старый шофер, многоопытный волк, наблюдавший своих хозяев в разнообразнейших ситуациях, и вел он себя всегда профессионально и неприметно, им ведь должно быть комфортно. Сейчас он незаметно посматривал в зеркало на своего хозяина, пряча в глазах улыбку. Ну, наконец-то. Мальчик влюбился, хоть сам пока этого и не понимает. Покойный Иван Кузьмич был бы рад. Он крутанул баранку, заезжая на обсаженную высокими вязами аллею.

— Ничего себе у него дача, — мрачно подумала про себя Аня, когда перед ними вырос трехэтажный терем с флигелями.

Машина остановилась у крыльца, их встречали. На верхней ступеньке стояла статная пожилая женщина строгой наружности и мужчина в костюме. Аня сначала решила, что это его мама, ей стало страшно. Михаил вышел, не обращая внимания на людей, кинувшихся ему на помощь, открыл дверь, чтобы взять ее на руки. Хотела Аня отстраниться и выйти сама, но муж посмотрел на нее таким ледяным взглядом, как будто хотел приморозить к сидению. Стало обидно и ясно, ее мнение никого здесь не интересует. В душе потихоньку начинал зреть протест.

Поднимаясь по лестнице с этой строптивой девчонкой на руках, он еле сдерживался, чтобы не начать орать на нее прямо здесь. У нее прямо дар какой-то выводить его из себя, перед людьми просто неудобно.

— Здравствуйте, Дарья Максимовна, Федор, — кивнул он экономке и дворецкому. Тот

ответил кивком.

— Добрый день, Михаил Иванович, — дама не выказала своего крайнего удивления происходящим, только слегка приподняла брови.

В последний раз он называл ее по имени отчеству, когда ему было десять. Дарья Максимовна практически вырастила его, и была для Миши Кольцова просто тетя Даша. С его покойной мамой они были, почитай, подруги. Странные дела творятся, вроде уехал на несколько дней отдохнуть, возвращается с какой-то непонятной девицей на руках. Злой как черт, весь на взводе. Он никогда не водил в дом сомнительных дамочек. Экономка незаметно оглядела девушку, с виду не кажется вульгарной, от вопросов воздержалась, скоро и так все станет ясно. А Миша прошел в гостиную, опустил Аню на диван, подождал, когда в комнату войдут остальные, потом произнес:

— Это моя жена, Анна.

Рты, конечно, пооткрывались. Тишина в комнате стояла гробовая.

Михаил старался ни на что не обращать внимания, ему и так тяжело все давалось, злость кипела внутри. Разведется она! Разведется!

Аня несколько секунд сидела, опустив голову, но взяла себя в руки, надо же со всеми познакомиться, оглядела присутствующих и выдавила вымученную улыбку:

— Здравствуйте, я Аня Зацепина...

— Кольцова, — его голос был холоден и резок, и пробирал до дрожи, — Это Дарья Максимовна, наша экономка, она представит тебе всех остальных, а мне пора.

Брови экономки поднялись еще выше, но она просто кивнула, сохраняя нейтральное выражение лица. Михаил, словно выдохся, глухим голосом попросил:

— Тетя Даша...

— Миша, все в порядке, занимайся своими делами, мы прекрасно справимся.

Ее муж сумрачно кивнул всем головой и куда-то ушел. Аня обратила внимание на то, что между собой они общаются как близкие люди, а с ней — подчеркнуто официально. Что ж, так даже лучше. Она ведь в чужом доме. Принесли ее коляску. Не сядет она больше в эту коляску, в конце концов, она не инвалид, вот только бы до постели добраться, усталость навалилась. Осторожно встала с дивана:

— Дарья Максимовна, давайте знакомиться, — и протянула руку.

Та взглянула на странную «жену» проницательным взглядом, официально пожала протянутую руку и официальным тоном представила ей присутствующих. Голова у Ани снова разболелась, она почти никого не запомнила, потом разберется, как-нибудь...

— Дарья Максимовна, не могли бы вы проводить меня в мою комнату.

Экономка величественно кивнула и пошла к лестнице на второй этаж. Там она удивленно остановилась, так как Аня не поспевала, двигалась слишком медленно.

— Простите, я после аварии, не могу ходить быстро, — Улыбка Ани выглядела жалко.

Дама тут же переменилась в лице и занервничала:

— Что же вы...

— Ничего, все в порядке. Мне бы прилечь.

— Конечно. Федор давай сюда коляску!

— Не надо коляску, я не хочу. Я же не инвалид.

С помощью Федора, под недовольное бормотание Дарьи Максимовны, что мол, некоторые не хотят беречь здоровье, они кое-как добрались. Комната была большая, светлая, прекрасный вид из окна, но Ане уже ничего не хотелось, только прилечь. Дарья Максимовна

послала одного из парней принести сюда поднос с едой, спросила, не нужно ли чего. Ане ничего не было нужно, и есть тоже не хотелось, прилечь бы только. Когда ее оставили одну, она заползла в постель и, свернувшись калачиком, моментально уснула.

Проснулась резко, от ощущения чьего-то присутствия. Когда открыла глаза и увидела, как он раздевается, чуть не подскочила в панике.

— Не дергайся.

— Что ты здесь делаешь?

— Что я делаю в своей спальне? Спать ложиться собираюсь.

— Где? — она все еще не проснулась толком.

— Не смей меня, — опять холодный цинизм, — в своей постели.

Аня стала выбираться из постели, хорошо, что спать ложилась не раздеваясь.

— Ты куда это собралась?

— Найдутся же в этом доме пустые комнаты, там лягу.

Он просто взбесился, и так весь день на нервах, а теперь еще ее фокусы!

— Ты никуда не пойдешь. — он цедил слова, обжигая холодными глазами, давя на нее каким-то внутренним ледяным огнем — Ты моя жена и будешь спать в моей спальне.

— Нет. Я не буду с тобой спать, — не пройдет у него давить на нее!

— Не надо меня бесить, — тон стал обманчиво спокоен, — Никто на тебя набрасываться не собирается. Ты и здоровая-то мне не была нужна. А тем более больная. Но спать будешь здесь!

Эта дура так и норовит опозорить его перед всеми, черт бы ее побрал! Было ужасно обидно, он весь день с нетерпением ждал, когда окажется с ней наедине в одной постели. Прикоснуться к ней, почувствовать, как она откликается, как будет дрожать от желания. Он знал, что она будет гореть, плавиться, кричать от страсти в его руках, и эта мысль пополам с собственным желанием мучила ему разум. И что?! Не будет с ним спать!

Аня отвернулась, из всех ее чувств остался лишь дух противоречия и возмущение. Здесь так здесь. Она стащила с кровати подушку и покрывало, и собиралась лечь на пол. Но он рванулся к ней, повалил на постель, придавил своим телом, прижав руки над головой. Сначала был испуг, а потом вдруг ее охватила злость, протест и, под всем этим, дикое желание:

— Что, опять изнасилуешь?! По-другому не можешь?!

А он вдруг понял, что никогда больше не сможет ничего сделать с ней насильно. Словно встал в мозгу какой-то блок. Желание клокотало в нем, подхлестываемое яростью, хотелось вдавиться в это хрупкое тело, вдавить его в себя, пока они не станут неразделимы, погрузиться в нее целиком, забыть обо всем, забыть себя и просто двигаться, двигаться, двигаться... пока не наступит это смертельное блаженство, и мир не разлетится на части сверкающими осколками...

Но после таких слов жены он пришел в себя и зло прошипел, отбросив ее руки:

— Делать нечего! Я и в прошлый-то раз через силу заставил себя это сделать, только чтобы тебя научить уму-разуму, — говоря эти слова, он сощурившись смотрел ей в глаза и видел разливающуюся там боль.

Ей больно, отлично! Потому что ему тоже больно! Он решил повернуть нож в ране:

— Но тебе, помнится, понравилось, — голос стал вкрадчивым и ядовитым, — Так

понравилось, что ты орала на весь отель.

Аня отвернулась, не желая слушать, видеть, хотелось провалиться сквозь землю от стыда, злости и бессилия, но он не закончил.

— Не волнуйся, я не собирался тебя даже пальцем касаться. Нужна ты мне... — он встал и начал одеваться, умолк на какое-то время застегивая брюки, потом словно припечатал, глядя на нее с холодным презрением, — Молить будешь, и то не трону. Оставайся в этой спальне! Это теперь твоя комната, я сам уйду. Невозможно с тобой не то что спать, вообще рядом находиться.

И ушел, обдав ее холодом и хлопнув дверью на прощание. Аня снова залезла в постель, забила под одеяло и, дрожа от обиды и боли, заплакала навзрыд. Какая же она идиотка, кто просил ее в тот вечер обращать на этого урода внимание? Как могла прийти ей в голову эта глупость, подойти и снять его на спор?! Зачем?! Наказание за одну маленькую глупость показалось ей просто чудовищным. Но обиднее всего было то, что он ушел.

Михаил вылетел из спальни, сбежал вниз по лестнице. Его трясло от разочарования, от злости, смешанной с неутоленным желанием и обидой. Мужчина чувствовал себя как ребенок, которому обещали конфетку, дали даже попробовать, а потом отобрали. Запустив обе руки в волосы на затылке и сжав их посильнее, он мерил шагами гостиную. На шум вышла экономка:

— Миша, что случилось?

— Ничего, тетя Даша, все в порядке, — он как-то сразу сник, голос был усталый, — просто не могу спать, устал, а спать не могу.

— Пойдем, я тебя чаем напою, у меня плюшки сеть. Твои любимые. Сегодня испекла. Пойдем.

Дарья Максимовна видела то, что он сам не хотел ни признавать, ни показывать. Ну да ничего, сам расскажет. Она повела его в кухню, не переставая тихонько уговаривать, что травный чаек поможет заснуть, а плюшки вкусные, такие как он любит. Она знала, что мальчик нуждается в любви и заботе, должен же хоть кто-то о нем заботиться. Понятно, что он давно уже не мальчик, но для нее-то он всегда будет ребенком. История с женитьбой не давала ей покоя, что-то там не так с этой женитьбой, Да что там, все не так!

— А чаек действительно успокаивает, тетя Даша. Ой, а плюшки какие... мmmm, люблю я твои плюшки, — все-таки сладкие вкусы неизменно поднимают людям настроение, независимо от пола и возраста.

После второй чашки травного чая он смог, наконец, расслабиться и, откинувшись на спинку стула, закурил, прикрыв глаза.

— Миша ты ничего не...

Он покачал головой и пробормотал:

— Тетя Даша, не спрашивай.

— Миша, расскажи, в чем дело, как это случилось, самому легче станет.

— А что говорить. Я дурак. И так мне и надо, — он зло задал сигарету.

— Миша, ты же давно бросил курить...

— Закуришь тут, когда такие дела.

Тетя Даша смотрела на него и выразительно молчала. Так умеют молчать только женщины, которые нас воспитали, они знают, что нам тяжело носить все в себе, что надо

излить кому-то душу, и тогда станет легче.

И он не выдержал.

— Тетя Даша, ты только ничего не говори, ладно, ты просто слушай.

Она шевельнула рукой и утвердительно моргнула. А мужчина все собирался с духом, чтобы как-то начать, вертел в руках чашку, потом, словно в пропасть прыгнул, выдал:

— Я ее изнасиловал.

У женщины глаза на лоб полезли. Не может такого быть! Не мог ее мальчик, которого она с десяти лет практически воспитывала, такое сделать. Он же такой уважительный... Или мог... Что с ним случилось?

— Не верите?

Та покачала головой, повертела кистями рук и выжидательно на него посмотрела. Пусть объяснит.

— Она меня в ресторане снять хотела... подошла, самоуверенная такая... В общем разозлился я, и мозги как-то заклинило... Черт! Черт! Черт!

Миша смолк, потому что воспоминания снова захлестнули его, заставив пережить отголоски тех невероятных ощущений. Какое-то время сидел, глядя в одну точку, потом сфокусировал взгляд на тете Даше, и заговорил:

— А она девушкой оказалась, — развел руками и вцепился в волосы, — Но она сама напросилась!

Было видно, что он скорее себя старается убедить. Все-таки хватило мужества признаться:

— Нет. Если честно, то все не совсем так. Она... просто позволила себе глупо пошутить... — проговорил он, глядя в свою чашку, — Перенервничал я потом страшно. На следующий день, когда понял, что она шум поднимать не собирается, хотел уехать. Да. Сбежать хотел. Я знаю, тетя Даша, что ты сейчас подумала. Ты подумала, что папа перевернулся бы в гробу.

Михаил потер лоб, прикрыв глаза, ему тягостны были эти воспоминания:

— А потом... Только из паркинга выехал, а тут она... на мопеде летела. Понять толком ничего не успел, как сбил ее. И кто только изобрел эти проклятые мопеды! Столько аварий из-за них... Я так испугался, я думал... вдруг она умрет... Господи... — он затих, переживая заново свой страх и горячую молитву.

— И понял я, тетя Даша, что от судьбы не уйдешь. Что за дурость свою надо отвечать. Да и дело надо было замять поскорее, кому лишний шум нужен. Ну, и вот! Я на ней женился! Раз-два, и все готово. — несмотря на бодрый тон, выглядел он понурым и глубоко несчастным.

Дарья Максимовна взволнованно слушала, прижав руку ко рту. Когда поняла, что он закончил свой рассказ, откашлялась и сказала:

— Судьба — это хорошо, судьба — это не так уж плохо, Миша. Тебе давно пора было жениться. Девочка вроде нормальная, вежливая, могло быть и хуже...

— Все плохо. Все плохо, тетя Даша. Потому что она меня ненавидит. За все. А может ее вообще подослали, чтобы женить меня на себе и ободрать как липку? Не знаю! Может, подложили под меня из-за денег?

— Ах, перестань, — пожилая женщина какое-то время словно прислушивалась к каким-то своим мыслям, потом сказала, улыбаясь одними глазами, — Мне так совсем не показалось.

— Ты многого не знаешь.

— Я знаю то, что видят мои глаза.

— И что же они видят, — без особой надежды спросил Миша.

— То, что она к тебе равнодушна.

Он покачал головой:

— Не знаю.

— Просто дай ей время. Поставь себя на ее место.

Он ушел в себя, разглядывая пустую чашку и качая головой. Тогда тетя Даша все-таки решилась задать этот деликатный вопрос:

— А ты, ты ведь что-то к ней чувствуешь?

Он словно задохнулся и вскинул на нее взгляд, полный противоречивых чувств:

— А что? Это так заметно?

Пожилая женщина улыбнулась, решив пощадить его гордость:

— Разумеется, нет. Просто я тебя хорошо знаю.

Мужчина вздохнул с облегчением, никто не хочет, чтобы его тайны были очевидны всем.

— Миша, вам надо пожить какое-то время только вдвоем, привыкнете друг к другу, найдете общий язык. Я так понимаю, ты хочешь сохранить этот брак?

— Да. По многим причинам.

— Ну вот, сейчас пусть поживет здесь пару недель, подышит воздухом, придет в себя, а я за ней пригляжу. Но тебе лучше уехать на это время. Пусть соскучится. Потом забереешь ее к себе.

Увидев, что он вздохнул с облегчением, экономка скомандовала:

— А сейчас, спать!

Он выдержал ровно три дня.

До конца счастливого отпуска оставалось всего ничего, на третий девчонкам улетать. И почему все хорошее так быстро заканчивается?! В этом году отпуск действительно был необычный, так неожиданно и странно Аню замуж выдали, до сих пор неприятный осадок оставался. Но, по счастью, в молодости быстро забываются неприятности, потому что жизнь течет широкой рекой, и каждый день приносит новые захватывающие возможности.

Сегодня вечером они никуда не пошли и сидели в своих номерах, решили в кои-то веки раз лечь спать раньше трех часов ночи. Девочки снимали два двухместных номера, Марина вместе с Ритой, а Нина с Леной. Нина все время жалела, что они не взяли трехместный, и Ане пришлось жить одной. Она все прокручивала, что могло бы быть, если, а вдруг... Но поздно, дело уже сделано.

Пока Марина мылась в душе, маленькая Ритка сидела перед телевизором и горстями заталкивала в себя попкорн. Шла ее любимая телепередача, естественно про любовь, про свадьбы, белые платья... аххх... И вдруг она резко дернулась, прилипнув к экрану, так что попкорн посыпался в декольте и застрял там в таинственных глубинах. Но девушка ничего не чувствовала — на экране в рубрике «курьезные свадьбы» были кадры Анькиного дурацкого замужества в больнице. Ведущая с улыбкой рассказывала фантастическую историю любви с первого взгляда, внезапно возникшую в курортном антураже.

— Марин! Марин! Быстро иди сюда! Тут нас показывают! В больнице! — и схватила телефон, Ленке с Ниной звонить, — Лена! Включай срочно телевизор...

Прибежала из душа мокрая Маринка в одном полотенце, капая волосами на ковер, и присохла к экрану. Оказалось, Лена тоже смотрела эту передачу. Когда сюжет закончился, Нина с Леной влетели в номер к девчонкам, все были ужасно возбуждены. СМИ страшная сила, вроде чуть-чуть поменять точку зрения, несколько слов добавить... И ведь такая вышла головокружительная любовная история, что просто ми-ми-ми... Они переглянулись и без слов поняли друг друга. Такая любовь заслуживает того, чтобы ее достойно отметить. Пусть даже в жизни все было совсем не так, не важно. Важно, что была потрясающе романтическая свадьба... Аж завидно стало.

Нет, не удастся сегодня лечь пораньше, придется спуститься в ресторан.

Толя Костенко собирался ложиться спать, он весь вечер корпел над бумажками, теперь сложил все, закрыл ноутбук, взял полотенце и собирался идти помыться перед сном. На заднем плане негромко бормотал телевизор, он мельком взглянул на экран, шла передача о том, как какой-то бизнесмен курьезно женился, прямо в больнице. Он покачал головой и пошел в ванную, переключив канал. Все эти дни он думал, что встретить он сейчас ту девушку, больше никогда не отпустил бы.

Знал бы Анатолий, что эту самую девушку сейчас показывают по телевизору, вот досмотрел бы передачу...

Сегодня Михаилу Кольцову позвонил его друг с телевидения и сказал, что тот сюжет с

его свадьбой в больнице пойдет вечером в эфир.

И словно открыл ему шлагбаум. Миша три дня терпел, зарылся в работу, тем более, что дел набралась в его отсутствие куча. Даже по вечерам из дома не выползал. Три дня борьбы с неведомой силой, которая словно канатами тянула его туда, к ней. К его строптивой, наглой девчонке-жене. А теперь вот она — причина! Он поедет обсудить передачу с тетей Дашей. И совсем он не хочет эту девчонку видеть, он просто едет пообщаться с умным человеком.

За эти три дня Аня немного ожила. Сначала, конечно, она почувствовала себя очень тоскливо и одиноко в чужом доме, особенно, когда проснулась и узнала, что муж уехал, и его не будет две недели. Но потом подумала, что лучше уж его вообще не видеть, чем вот так, все время ругаться. Позвонила брату, маме с папой, девчонкам, сказала, что у нее все хорошо. Дарья Максимовна оказалась очень внимательной женщиной, заботилась о ней, все норовила повкуснее и побольше накормить. Аня много времени проводила на воздухе. Если бы не обида да грустные воспоминания, если бы не тоска по нему... то жизнь шла не так уж и плохо.

Михаил приехал на третий день вечером, бесился, но ничего не мог с собой поделаться. Издевался над собой, мол, приполз как пес, лизнуть руку своей хозяйки. Она так к нему и относится, как к собаке.

Но он поменяет это отношение. Завтра с утра заберет ее в свою городскую квартиру, будут жить только вдвоем. Ее комнату подготовили, хочет спать одна — черт с ней! Это ведь можно делать не только в спальне. Сначала он хотел приехать утром, но понял, что все равно не сможет спать, промучается до утра. Ему хотелось ее увидеть. Вошел в дом без шума, тетя Даша сказала, что она смотрит телевизор в верхней гостиной, тихонько поднялся по лестнице, подошел и замер на пороге, дверь была открыта.

Диван стоял в центре комнаты, спинкой к двери. Михаилу было видно с его места ее отражение в зеркале. Какая маленькая, худенькая, сидит, подобрав ноги. Совсем как ребенок... Взгляд упал на экран. Их странная свадьба. Он смотрел со стороны на себя, на нее, и ему показалось, что все это правда, та чушь, которую несет с экрана красивая улыбающаяся ведущая. Все это может быть правдой. Тогда он будет счастливейшим человеком... Почему у него вдруг мелькнула такая мысль, он не знал, но тот парень на экране, который женился «по великой любви с первого взгляда», действительно выглядел так что... Михаил вдруг ему позавидовал, а потом рассмеялся про себя.

Рассказанная кем-то другим наша собственная история может выглядеть по-разному. Эта получилась на удивление романтической. Он даже пришел в хорошее настроение, и продолжил наблюдать за Анной, интересно было увидеть ее реакцию на передачу. И на него. Мужчина не хотел признаваться себе, но он с трепетом ждал, что она обрадуется ему. Хоть чуть-чуть.

Когда Аня вдруг увидела в популярной телепередаче в рубрике «курьезные свадьбы» кадры с собственной свадьбы в больнице, она была в шоке. На экране все выглядело по-другому. Все совсем не так. Ведущая с улыбкой вещала про современную Золушку, про счастье, романтику, неземную любовь. Сначала она впиалась в телевизор, не веря своим глазам, неужели тот красавец, который так нежно смотрит на девушку в больничной рубашке — это ее муж. Этот холодный, жесткий тип, что говорит ей такие ужасные слова, от которых умереть хочется.

Потом всплыли совсем другие мысли, она похолодела. Аня уже ничего не видела и не слышала. Она была в панике. Теперь родители узнают. Глупо было надеяться, что ей удастся

скрыть это, но все равно... Настроение упало ниже некуда. Так и есть, раздался телефонный звонок. Папа:

— Здравствуй дочь.

У нее во рту пересохло от волнения, голос пропал.

— То, что я сейчас вижу по телевизору, какой-то розыгрыш?

— Нет, папа... — еле хватило сил пролепетать.

Михаил замер в дверях, оказавшись невольным свидетелем ее разговора с отцом. Она его сейчас не видит, ему почему-то было важно, что его жена сейчас скажет.

— Так это правда, дочка. Что ты натворила, Аня?

— Прости, папа, так вышло. — голос несчастный, оправдывается.

На том конце видимо почувствовали что-то неладное.

— Аня, мы завтра же к тебе приедем. Надо же посмотреть на твоего мужа, что он за человек.

— Нет! Нет! Не надо! Не надо завтра приезжать! Не надо приезжать. Мы сами... я сама потом к вам приеду... не надо...

— Аня... что ты...

И тут Михаил понял, что она его стыдится! Стыдится показать его своим родителям! У него просто крышу снесло. Он резко вошел в комнату, выхватил у нее телефон и обратился к тестю:

— Здравствуйте, Дмитрий, простите, не знаю как по отчеству, я Михаил, Анин муж.

— Очень приятно, молодой человек, Я Дмитрий Валерьянович.

— Зовите меня просто Миша. И скажите Дмитрий Валерьянович, когда вам с Аниной мамой удобно приехать, мы с женой будем чрезвычайно рады вас видеть.

Мужчины довольно быстро нашли общий язык, и после короткого разговора, Михаил отключился. Все это время он кипел от бешенства. Стыдится его!

Когда он, наконец, повернулся к ней, вид у его жены был какой угодно, только не радостный. Терпение лопнуло. Ехал к ней, хотел увидеть, сгорал от нетерпения, а она... Пропади все пропадом!

— Собирайся, мы сейчас же едем в город, — отрывистый злой голос, ледяной взгляд, давящая воля. Не потерпит возражений.

— Зачем?

— Будешь жить в моей городской квартире.

Аня не стала спорить, понутив голову, собрала вещи и через пятнадцать минут они уже ехали в город в полном молчании. Его грызла обида, а в ее душе, несмотря на страх и ощущение надвигающихся неприятностей, поселилась эфемерная надежда, что когда-нибудь все будет хорошо. Пусть смотрит ледяными глазами, пусть говорит гадости, главное, он теперь будет рядом. Она только сейчас поняла, что без него ей все-таки было плохо.

Михаил за рулем был сам. Он вообще очень редко пользовался услугами Петровича, тот в основном возил тетю Дашу. Да и не был Кольцов таким уж избалованным барчуком, как это могло сначала показаться его жене, его семья из тех еще традиционных семей, где хорошее воспитание впитывается с молоком матери. И уважительное отношение к людям в том числе. Просто удивительно, почему его так переклинивало, как только он начинал разговаривать с Анной. Он сам не мог понять, не то что объяснить. Сейчас он вел машину и дулся на нее как обиженный ребенок. Как она могла так поступить со своими родителями! Если бы его мама с папой были живы... Да он бы на руках их носил, он бы никогда не

посмел так обидеть их своим недоверием... Подумать только, стыдится его! Другая бы на ее месте... И тут он осознал одну важную вещь, несмотря ни на что, он не хочет представлять другую на ее месте. Михаил тяжело вздохнул.

Интересно, чем дальше они удалялись от Кольцовской дачи, тем Аня чувствовала себя лучше, видимо, помимо всего прочего, ее угнетенное состояние усугублялось еще и тем, что она оказалась выставленной в не самом выгодном свете среди чужих людей. А один на один с ним ей было даже свободнее. Она немного расслабилась, глядя в окно, нашла силы проанализировать ситуацию. Теперь, трезво взглянув на то, как повел себя ее муж при разговоре с папой, Аня была ему благодарна. Потому что растерянность и чувство вины и недовольства собой превратили ее в какую-то размазню. То, что она пыталась спрятать голову в песок, как испуганный страус, вовсе не делало ей чести. А Михаил отреагировал так по-мужски... Правильно отреагировал. И как бы он не вел себя с ней, с ее родными он был уважителен. За это Аня могла поставить ему жирный плюсик. Она незаметно взглянула на мужчину из-под ресниц. Серьезен, даже мрачен, вздохнул так тяжело. Под действием внезапного порыва она вдруг сказала:

— Спасибо тебе.

Миша не ожидал. Поэтому не был готов. Он скованно кивнул, прокашлялся и спросил:

— За что?

— За то, что поговорил с папой.

Он повернулся в Ане, глядя на нее обиженно и удивленно.

— Как ты могла? Так обидеть недоверием своих родных? — покачал головой, — Ты что думала, они никогда не узнают? Как ты собиралась им рассказывать? Или вообще не собиралась? Я не понял.

Ого. В чем-то он прав. Но какого черта?! Сама она со своими родителями разберется, будет он ее еще учить! Аня подобралась и ответила жестко:

— Не говорила, потому что боялась их расстроить.

— Хммм. Значит, снимая мужика в ресторане, ты не боялась их расстроить?

— Это совсем другое! Я не собиралась снимать тебя, Это был розыгрыш!

— Тогда получается, ты разыграла сама себя.

Кажется, сейчас они опять поругаются.

— Я не хочу сейчас ссориться. Я устала. Просто хотела поблагодарить тебя, что помог, вернее, сделал все за меня, — она уже начала злиться.

Он тоже не хотел сейчас ссориться, потому просто сказал:

— Пожалуйста. Нам все равно надо было встретиться с твоими. Чем раньше, тем лучше. Они завтра вечером в гости к нам приедут.

— Завтра... — Аня запаниковала.

Он глянул на нее и выдал с легкой издевкой:

— Да перестань ты трястись. Приедут вечером. Приготовишь чего-нибудь, посидим. Я надеюсь, ты умеешь готовить?

— Надейся, — издевку она почувствовала.

— Не знаю, в наше время адвокатессы могут и не уметь...

Разозлил. Отлично, глаза загорелись, пыхтит как ежик. Он отвернулся, чтобы не засмеяться. Внезапно стало даже весело, но голос оставался нейтрально-холодным:

— Придется сегодня репетицию устроить, а то вдруг опозоришь меня перед тестем с тещей. Надо еще проверить, что за отраву ты на стол подаешь...

Судя по тому, как фыркнула и скрестила руки на груди его жена, первый семейный ужин ему обеспечен. Вслух он сказал, приняв мрачный вид:

— Надеюсь, выживу.

— Шут, — подумала Аня, — подсыпать бы тебе слабительного...

И тут она поймала себя на мысли, что они вот уже столько времени разговаривают почти как нормальные люди.

Подъехали. Ну, кто бы сомневался! Конечно же, квартира в элитном доме, в шикарном месте! Когда они поднялись, Аня вошла первой, Михаил пропустил ее вперед. Чувствовал себя странно, смятение и внутренняя дрожь, как будто боялся, что ей не понравится.

Аня была впечатлена. Да, холостяцкая квартира, большая, даже огромная. Но уютная. Она совершенно не ожидала, что у такого циничного холодного типа может быть уютная квартира со светлой мебелью и жизнерадостными натюрмортами на стенах.

Михаил стоял в дверях и смотрел на нее, затаив дыхание. Смотрел, как она ходит по его дому, как трогает вещи. Погладила спинку дивана, нежно, медленно. Он зажмурился на мгновение, так это вдруг показалось эротично, что у него мурашки по спине пошли. Мужчина отчетливо понял, что эта девочка имеет над ним колоссальную власть, он уже сейчас полностью зависим от нее в эмоциональном плане. Если она об этом узнает, ему конец. Нельзя, чтобы она узнала. И с этим постоянно мучающим желанием тоже надо что-то делать, а то у него так крышу снесет. Нельзя показывать ей свою слабость, надо держать себя в руках. Абстрагироваться. Это он должен быть хозяином положения, он же мужик, в конце концов, он с ней поиграет, но по своим правилам. Девушка остановилась перед книжными полками, рассматривая корешки. У него хорошая библиотека, он этим гордился. Потянулась прикоснуться к фигурке маленького старинного слоника, погладила мраморную спинку... Жена. Так странно, но нельзя сказать, что ему не нравится. Просто ново все это, необычно, но... приятно.

В этот момент она обернулась к нему, Михаил тут же отвернулся, чтобы совладать с лицом и не выдать ей всех своих мыслей. Прошел, наконец, внутрь, спросил нейтральным тоном, словно ему безразлично:

— Ну, и как тебе?

— Неплохо, — тот же нейтральный холодный тон в ответ.

Он поднял брови. Неплохо.

— Проходи, покажу тебе спальню.

Она тут же ошетибилась:

— Я не...

— Да, да. Я знаю. Никто не приглашает тебя спать со мной, — он подкатил глаза, а потом смерил ее презрительным взглядом, — У тебя своя спальня. Прощу. Располагайся.

Он выразительно на Аню посмотрел и остановился перед дверью ее комнаты. Она вошла, не показала вида, но комната ей понравилась. Светлая мебель, неширокая полтора спальная кровать, платяной шкаф, комод, занавески в мелкий цветочек. Девичья комната. Хорошо. Ей не хотелось увидеть тут огромный сексодром с намеком, чтобы не краснеть от нежелательных воспоминаний под его пронизательным циничным взглядом. Открыла шкаф, стараясь не обращать внимания на мужчину, по-прежнему стоящего в дверях. Странно, шкаф полон вещей, судя по бирочкам, весьма дорогих вещей. Она подцепила пальцем кружевной

бюстгальтер, красиво, ничего не скажешь. Вдруг промелькнула тошная мысль:

— Чья это комната?

— Твоя.

— Кто здесь жил до меня?

— Никто не жил, это гостевая спальня.

— Тогда чьи это вещи?! — она с отвращением отбросила внутрь шкафа ворох шикарного нижнего белья.

— Твои.

— У меня есть свои вещи, — отвернувшись, освободила одну полку и стала выкладывать на нее все содержимое сумки.

Он в очередной раз испытал укол разочарования и обиду. Сам покупал все тряпки. Сам! Мужик сам покупал тряпки! Чтобы ее порадовать. Какой же он идиот! Все. Довольно стоять здесь и клянуть ее улыбку.

— Не забудь про ужин.

Сказал, как приморозил. Свои вещи Аня решила нормально разместить в шкафу завтра, сейчас уже поздно. Просто вытащила черные домашние лосины и просторную майку. У нее было две любимые футболки старшего брата, синяя и белая с принтом. Синяя погибла в тот день, оставалась белая, вот ее-то она и надела. В майке брата она чувствовала себя увереннее, хотелось, чтобы хоть что-то было во всем этом привычное и родное.

Вышла на кухню, надо же, просто космическая кухня, мечта домохозяйки. И зачем, спрашивается холостякам такие кухни? Аня заглянула в холодильник, что же приготовить по-быстрому, ей самой уже есть захотелось. В холодильнике нашлись яйца, сыр, ветчина, овощи. Отлично, все пойдет в дело. Девушка занялась ужином и даже не заметила, как он подошел, привлеченный запахом готовящейся еды. А он стоял у нее за спиной и замороженно смотрел, как она ловко управляет. Аня резко повернулась, дернувшись от неожиданности.

— Прости.

— Извини, что напугал.

— Да ничего, все равно собиралась звать тебя, ужин готов. У нас яичница с ветчиной, помидорами и зеленью и салат из помидоров и огурцов, — она отрапортовала и показала на уже сервированный стол.

Михаил сглотнул слюну, с готовностью приняв приглашение к столу. Какое-то время только вилки звенели.

— А она отлично готовит, — думал Миша, с аппетитом поглощая свою порцию.

Потом Аня встала, принесла чайные чашки и заварочный чайник, разлила свежезаваренный чай, подала печенюшки.

— Завтра испеку что-нибудь вкусное.

Умммм... Она еще и печет! Нет, положительно, ему хоть в чем-то повезло.

Анна подумала, что их первый семейный вечер прошел не так уж плохо. А он пил чай и все смотрел на эту явно ношеную, с растянутым воротом мужскую майку, сначала не придавал значения, но потом она стала его раздражать. Хочет носить мужские футболки, пусть носит его футболки.

— Чья это на тебе футболка? — все-таки не выдержал.

— А тебе какая разница?

— Большая, — голос стал ледяным, — Чья это майка?

Она посмотрела на него с вызовом, не мог не испортить настроение:

— Мужчины, который мне дорог.

Что-то страшное закрубилось в его глазах, он странно дернул шей и проговорил:

— Спасибо за ужин.

Поставил кружку на стол, ушел из кухни. Аня всплеснула руками и отвернулась. Да, может и не стоило ТАК ему отвечать. А какого черта он ей допрос устраивает?! Быстро покидала посуду в мойку, в рекордно короткие сроки вылизала кухню и тоже ушла. Известное изречение гласит: «Женщина энергичнее всего занимается уборкой, когда она обижена». Так вот, это чистая правда.

Потом она помылась в душе и быстро юркнула в постель, поздно уже, спать пора. Заснуть не удавалось, девушка все ворочалась, неудобно, когда знаешь, что мужчина в соседней комнате, злой как черт. Да еще по твоей вине. Может, извиниться, объяснить... Какого черта! Он и так о ней самого низкого мнения, с первого взгляда записал ее в шлюхи! И судя по всему, менять свое мнение не собирается. Аня не боялась, что он может прийти и... она почему-то была уверена, что он ее пальцем не тронет. Но кто поймет женщин?! Потому что ей хотелось, чтобы он пришел, в глубине души снова зашевелились запретные воспоминания.

Что уж говорить о нем?! Он провел очередную отвратительную ночь. Нееет! Это была сверх отвратительная ночь! Потому что он только что получил полное подтверждение своим подозрениям.

Мужчина, который ей дорог!

Маленькая гадина, легла под него ради денег. Так больно ему еще никто не делал. Он так надеялся, что...

— На что ты надеялся, дурак? На то, что она вдруг вспылала к тебе, и переспала с тобой из чувства глубокой, всепобеждающей любви? — он издевался над собой, мысленно ржал, отпускал саркастические реплики, забывая при этом, что влез-то он к ней в постель сам.

Мужчина, который ей дорог...

Он был готов убить этого дорогого мужчину, раздавить собственными руками у нее на глазах. Чтобы ей было также больно, как ему сейчас. Холодная, расчетливая сука. Спит, небось, себе спокойно, тварь бесчувственная. Ничего. Надо просто успокоиться. Хорошо, что иллюзий никаких не осталось, зато он теперь он точно знает, как себя вести. Если бы он еще мог справиться с этим дурацким желанием, которое постоянно его терзает!

Они были в соседних комнатах, но далеки друг от друга, как две песчинки на разных концах вселенной.

После отвратительно проведенной ночи началось отвратительное утро. Они встретились в кухне, холодно кивнули друг другу, выпили по кружке кофе. Закончив с утренним ритуалом, Михаил взглянул на часы и сказал:

— Мне на работу. Вот телефон Петровича, дашь ему список продуктов, он все принесет. К назначенному часу я буду дома.

— Я сама могу пойти и купить все, что нужно.

— Нет, — ледяная, циничная улыбка, — Ты никуда не пойдешь без меня.

Хотела было Аня вскипеть и ответить что-то резкое, но потом передумала. Не с утра же начинать ругаться. Если честно, то она и чувствовала себя не очень. Потому не стала достаивать его ответом, а подумала, что пойдет досыпать. Петровичу потом позвонит.

Как ни старался Михаил не вспоминать о жене, мысли о ней постоянно крутились в голове, отвлекая и мешая работать. Служащие отметили его мрачность и повышенную нервозность, сделали выводы и старались не попадаться ему на глаза, чтобы не становиться лишней раз жертвой беспричинного начальственного гнева.

Днем позвонил Петрович, отчитался, что все купил и привез. Вечером предстоит ужин с родственниками жены. Что ж он отыграет спектакль. Когда уже настанет этот проклятый вечер...

Ну вот. Вечер настал. Аня вылизала весь дом, хоть там и было чисто, но она все равно тщательно убралась везде, приготовила несколько блюд, испекла яблочный пирог, он всегда ей удавался. Заранее сервировала стол.

За полчаса до назначенного часа пришел домой Михаил. Открыл двери своим ключом. Аня подумала, что у нее, кстати, нет ключей, но в тот момент не озвучила, а потом это как-то забылось. Он мельком глянул на женины приготовления, отстраненно кивнул и ушел в свою комнату, сказав, что выйдет через двадцать минут. У Ани не было сил и желания анализировать его настроение, его слова, она страшно волновалась перед приходом родителей. Что они подумают, расстроятся наверное... Если бы можно было все вернуть назад! Да она бы в этот раз вообще не поехала бы отдыхать, если бы знала, что так будет! Фууухххх... Что же ее так трусит-то... И где этот муж, сказал, что через двадцать минут выйдет...

Эти две вещи произошли почти одновременно. Михаил вышел в прихожую и раздался звонок в дверь.

За то время, что он оставил себе на подготовку, Кольцов успел полностью овладеть собой и представить ситуацию, как обычную деловую встречу. В конце концов, так оно и есть, он для этих людей просто добыча. Мужчина криво усмехнулся, добыча разная бывает, посмотрим, еще, кто кого.

Потому, когда зазвенел звонок, он был ко всему готов, с улыбкой открыл дверь и вежливо пригласил гостей в прихожую. Влетела бледная от волнения Аня, да и ее родители

тоже выглядели взволнованными. Один Михаил был спокоен, даже внутренне потешался, он подошел к жене, обнял ее за талию, демонстрируя несуществующее семейное счастье. Аня хотела отдернуться, но он прошипел ей на ухо, что не стоит показывать родителям, как оно есть на самом деле. Она подумала, что и правда не стоит. Ужин прошел хорошо, Мужчины вели свои разговоры, мама во все глаза следила за Аней, а Михаил весь вечер прижимал ее к себе и легко целовал, изображая счастливого новобрачного. Сначала это Аню злило, но потом стало все больше заводить, она разомлела в его объятиях и под конец уже терлась об него как кошка.

Михаил испытывал душевные мучения. С одной стороны, вроде, ее родители порядочные люди, к поступкам дочери, видимо, не имеющие отношения, и обманывать их ему было неприятно, с другой... А что с другой. С другой стороны у нас есть расчетливая сучка жена, у которой в свою очередь есть дорогой мужчина. И есть идиот муж, который умирает от желания к этой холодной... Впрочем, сейчас она совсем не холодна, очень хорошо.

Свою роль он сыграл отлично. Тесть с тещей были явно довольны, прощались с улыбками, приглашали их в гости, сетовали, что не были на свадьбе и т. д. Все это время, пока они прощались, Михаил прижимал жену спиной к себе и терся щекой о ее волосы, она дышала через раз, чувствуя его возбуждение. Мелкие мурашки бежали по шее, руки начинали дрожать.

Наконец родители ушли. Он тут же резко отстранил ее от себя. Аня, приоткрыв рот от удивления, обернулась и наткнулась на язвительную циничную усмешку:

— Что? Так понравилось, что не можешь от меня отлипнуть?

— Что...

— Что ты, девочка, успокойся, у нас фиктивный брак, но для твоих родителей мы устроили маленький спектакль. Мне кажется, им все понравилось. Нет? Ты тоже так считаешь? Я так и думал.

Ей нечего было сказать, она просто отвернулась.

Аааа, ей не понравилось. Очень хорошо! Он сделает еще кое-что, для себя, чтобы ей стало еще хуже.

Аня, стараясь скрыть разочарование, пошла убирать со стола и мыть посуду. Она всегда считала, что домашняя работа помогает успокоить нервы. Вот домашней работой она и займется. Сначала хотела заставить его мыть посуду, она-то ведь готовила. Но потом подумала, что нет. Не заслужил он этого. В нормальных семьях, где люди кушают вместе, есть такое добровольное разделение труда, когда один готовит, а другой моет посуду, на самом деле, это очень интимно, это признак любви и доверия. Просто мы об этом не задумываемся. А если делаем это для любимого человека, то делаем с душой и любовью. А у него нет к ней ничего, даже малейшего уважения! Не заслуживает он ее доверия.

Она почти закончила, когда в кухню вошел ее муж, Аня даже рот открыла, заглядевшись на него, до того он был хорош. Выбрит, в костюме, сиял свежестью и красотой и благоухал невероятно вкусным парфюмом. В его насмешливом взгляде явно читалось удовлетворение произведенным эффектом:

— Ну, я пошел.

— Куда?

— А тебе какая разница?

— Никакой.

Жена пожалала плечами и отвернулась от него. А ему стало обидно, что ей нет дела, куда он идет посреди ночи. Он хотел, чтобы ей было не все равно, чтобы ей было совсем не все равно, черт побери! Потому он решил немного пояснить:

— У меня свидание, детка, не сидеть же мне тут с тобой идохнуть от скуки. Можешь меня не ждать, куколка.

Он потянулся чмокнуть ее, но Аня с отвращением отдернулась, брезгливо вытирая то место, которого он коснулся. Тогда он смерил ее равнодушным циничным взглядом и сказал:

— Как знаешь. Будь умницей, посмотри телевизор, или почитай, в общем, почувствуй себя как дома.

И ушел.

Аня тяжело опустилась на стул. Ей вчера казалось, что все плохо? Нет, это сегодня все плохо. Хорошо, хоть мама с папой этого не видели...

Сидя за столиком в ресторане и ожидая свою подругу на сегодняшнюю ночь, он разглядывал зал, откинувшись на спинку стула. Несмотря на расслабленный и умиротворенный вид, Михаил весь горел изнутри от горечи. Да. Он сказал ей правду, у него действительно свидание. Сколько можно сходить с ума от желания?! Сегодня у него будет женщина, которой от него ничего не нужно, кроме денег. Но она хотя бы не засирает ему мозги!

Михаил все вспоминал тот спонтанно вырвавшийся у жены жест отвращения, когда она брезгливо вытирала щеку в том месте, где к ней прикоснулись его губы. Он слотнул горькую слюну. Отвратителен. А прижималась она к нему, только чтобы родители подумали... Ничего... Он справится. Сейчас. Вот только придет его старая знакомая, нередко спасавшая его от излишнего давления. Замечательная баба, ухоженная, веселая, никаких лишних вопросов, щедрая в постели.

Что ж ему так тоскливо-то... А, ну вот и скорая сексуальная помощь пришла.

Немного посидели в ресторане, потом поехали к ней. Все было хорошо, правильно все было, нормально. Черт побери! Ужасно все было!

Она гладила его по груди и молчала, перебирая пальчиками кудрявые золотистые волоски. Женщина знала его уже несколько лет, они изредка встречались. Кольцов всегда был очень осторожен и консервативен в выборе сексуальных партнеров, случайные связи ему претили. Сегодня он показался ей странным, набросился как изголодавшийся тигр, а после почему-то мрачно затих, погруженный в свои мысли. Похоже, у него проблемы, и проблемы эти, судя по всему, связаны с какой-то бабой. Алиса была старше него, разведенка, очень хорошо обеспеченная после удачного развода. Сейчас она жила в свое удовольствие, а привычки молодости, такие, как секс за деньги с узким кругом обеспеченных мужчин, это скорее развлечение, позволяющее ей почувствовать себя женщиной. Но ведь она и есть женщина, да и неглупая, к тому же.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Миша...

Он не сразу откликнулся, лежал, уставившись в одну точку.

— Что, — повернулся, погладил ее по щеке.

— О чем ты сейчас думал?

— Я? Ни о чем.

— Миша, такой вид бывает у мужика, когда у него проблемы с женщиной.

— Перестань, — сел в кровати и отвернулся.

Потом встал, оделся и, подойдя поцеловать ее на прощание, сказал:

— Я позвоню.

— Миша, ты можешь позвонить и просто так, мы ведь старые... — она хотела бы сказать друзья, наверное, но это не было бы правдой.

— Спасибо тебе.

Мрачная, бледная улыбка. Ушел.

Он ехал домой. Туда, где в своей спальне, как в неприступной цитадели, спала его недоступная жена. Жена, которую он хотел до безумия, жена, которой он отвратителен. Михаил велел себе прекратить пускать сопли и заткнуться.

Да. Пошел он к другой бабе. Чтобы как-то напряжение сбросить и ей досадить. А что ему было делать?! И сейчас его терзало проклятое чувство вины. Ничего он этим не добился. Легче не стало, жене-то досадил, это даааа, но ему же самому теперь еще хуже. Совесть проклятая! И как только другие мужики с этим управляют?! Как?!

Счастливая мысль пришла, когда он парковался уже дома. Он завтра ей машину купит! Прекрасная мысль! Вот прямо с утра. Должна обрадоваться, просто обязана. И его совесть успокоится. Вздохнул и покачал головой, до чего он дошел. Он чувствовал себя так, словно вывалился в грязи, а теперь эту грязь тащил в дом.

Когда он ушел, просто сообщив ей, что идет на свидание, масштаб катастрофы обозначился постепенно. Так бывает, если глубоко порежешься, больно становится не сразу, и кровь не сразу течет. Но зато уж как потечет... Кровь из сердца...

Какая-то прострация навалилась, тяжелой мутью налились мозги. Аня почти час просидела на кухне, неосознанно поглаживая однообразным движением столешницу, потом отвязала фартук, аккуратно повесила, оглядела кухню еще раз. Идеальный порядок, как будто она здесь и не появлялась. Ей и хотелось исчезнуть отсюда, из его дома, из его жизни, раствориться, уйти.

Уйти. Но, к сожалению, у нее нет ключей, а Петровичу звонить не хотелось. Не будет она выносить сор из избы, слишком все это позорно. Что ж, у них ведь фиктивный брак. Значит, он может ходить куда захочет, и спать с кем захочет. А она... Что же будет делать она... А она будет сильной, ей плевать. В конце концов, потерпит немного для приличия, ради мамы с папой. Месяц, и разведется с ним. Побрела в свою комнату, надо принять душ, и спина что-то тянет. Ну вот и месячные начались. Вот и хорошо!

— Вот и хорошо... — только повторяя эти слова, скрючившись под горячими струями на полу душевой кабины, она горько плакала. Что за глупая была надежда, что у нее от него может быть ребенок... Как можно было хотеть от него ребенка?! Он же монстр бездушный, урод конченный.

Она чувствовала себя глубоко несчастной, порвалась последняя ниточка, которая могла их связывать. Не осталось ничего. Ничего. Аня забралась в постель и беззвучно плакала от жалости к себе, потом просто потому что слезы текли, не останавливаясь, потом лежала без сна, лежала, лежала...

Кольцов запер машину и довольно долго стоял, опершись на капот. Надо идти в дом, а у него не хватало мужества. Пересилил себя, поднялся, Старался открывать дверь как можно тише, чтобы не разбудить ее шумом. Неслышно подошел к дверям ее спальни, его тянуло туда, как преступника на место преступления. Миша очень надеялся, что жена спит, убеждал себя в том, что ей абсолютно безразлично, где он был и что делал. Именно так. Да. И именно потому он сейчас так жадно вслушивался, затаив дыхание.

И тут он услышал всхлип, а потом она зашевелилась и притихла, словно затаилась. Она не спит... Плачет... Она плачет... Мужчина прижался лбом к двери и беззвучно застонал. Он готов был биться головой о стену. Чувство вины рвало его на части, хотелось войти к ней, прижать ее к себе, утешить, высушить ее слезы поцелуями... Но он не смел войти. Не смел. И утешить ее не смел, ни звука в эту минуту произнести не смел. Потому что это из-за него она сейчас плачет. Михаил тихонько сполз по стенке и сел, привалившись спиной к двери. Ловить ее всхлипывания, ощущать их как ножи, втыкающиеся в его спину. Так он хоть как-то мог быть рядом.

Аня слышала, как он вошел, тихо подошел и остановился у ее двери. Она насторожилась, чего ему нужно? Даже постаралась затаить дыхание, но нос был забит от слез. Вдруг она услышала, что муж еле слышно застонал и завопил за дверью. Неужели войти хочет? Зачем? Не надо! Она не хочет! Не надо... Но он, кажется, привалился к двери и затих. Так и остался сидеть там. Как ни странно, ей было приятно это знать. Он причинил ей страшную боль, и сегодня она потеряла глупую надежду, что может быть от него беременна, что их может что-то связывать. Но он сидел там, за дверью и ему тоже было плохо. Она это знала, и это каким-то образом их связывало. То была непонятная, болезненная, мучительная близость, им обоим было плохо, они были по разные стороны этой незапертой двери, разделявшей их не хуже великой китайской стены, но впервые они были вместе.

Вслушиваясь в тихие всхлипы за дверью, чувствуя эту странную близость, мужчина постепенно расслабился и погрузился в пограничное между сном и бодрствованием состояние, полное противоречивой надежды.

Так ощущает себя путник, бредущий ночью в темноте, застигнутый ненастьем, когда вдруг увидит мерцающий огонек свечи в далеком окне. Вся душа его потянется в тот же миг туда, откуда виден неясный свет спасения. И не важно, что на самом деле ждет его в том месте, покой, или неведомая опасность, он будет стремиться к этому огню, как одержимый.

Кажется, он заговорил белыми стихами. За дверью перестали всхлипывать, дыхание успокоилось и стало слышно забавное тихое сопение. Она заснула. Впервые он провел ночь с женщиной так. Сидеть у нее под дверью, как пес, и чувствовать себя если не счастливым, то удовлетворенным.

С ней вообще его жизнь все время идет не так. Он никогда не был особенно эмоциональным, привык всегда все контролировать, а сейчас... Ни черта он не контролировал. И меньше всего себя. Она просто выбивает его из колеи, заставляет говорить

и делать вещи, которых он и в мыслях не мог себе представить. Пробуждает самые первобытные, дикие, темные чувства и желания. А эти неуправляемые эмоции, никогда его так не бросало из одной крайности в другую, чем-чем, а уж уравновешенным характером он отличался с самого детства. Она для него опасна как для мотылька огонь, он почуял это, только увидев ее там, в зале ресторана. Надо было сразу же уйти, но не смог, сидел, как замороженный. А когда подошла к нему, понял, что попал, и стал защищаться. О, как он себя от нее защищал! Только от этого все становилось еще хуже. А теперь отпустить эту девочку он тоже не может. И деньги здесь уже не при чем. Она каким-то чудом вросла в его сердце, если она уйдет, его сердце станет болеть и изойдет кровью.

Мужчина, который ей дорог...

Что ж, он заставит ее забыть того мужчину, который ей был дорог.

Потому что она — его.

Ему надо что-то менять в жизни, а то так он долго не протянет, просто не протянет, сойдет с ума.

Уже под утро Михаил встал и ушел к себе в комнату. Не спать, спать не хотелось. Привести себя в порядок. А потом он начнет действовать.

Аня проснулась поздно, еще какое-то время просто лежала в постели, не хотелось вставать. Постель ощущалась как последнее убежище, где она может спрятаться от жизни, которая ждет ее за дверями комнаты. Она вспоминала странную ночь, эту непонятную, противоестественную близость, возникшую между ними. Но ночь ушла в прошлое, и унесла с собой все то таинственное, что связывало их в темноте. А яркий дневной свет снова высветил невеселое настоящее. Он ее терпеть не может, ей лучше исчезнуть из его жизни. И незачем ему знать о ее чувствах.

Нельзя прятаться от жизни вечно. Аня заставила себя встать, умылась, в зеркале опухшая, зареванная физиономия. Нет, в таком виде она никому не покажется.

Михаил сидел в кухне с одиннадцати, все поглядывал на часы. Долго спит. Когда ждешь, время вообще тянется медленно, а он ждал с тайной надеждой и нетерпением, руки непроизвольно поигрывали ключами.

А... вот, вышла, идет в кухню. И тут он замер, уставившись на нее с открытым ртом. Женщины всегда преподносят сюрпризы. Аня была в пушистом банном халате, лицо полностью скрыто густым слоем какого-то крема, одни глаза торчат, не голове наворочено полотенце, ноги босые. Миша не выдержал и совершенно неприлично заржал. Девушка сначала съежилась о неожиданности, она была уверена, что в это время будет дома одна, а тут он... Его ей меньше всего хотелось видеть, стало досадно и неудобно. Он прекратил смеяться:

— Доброе утро.

Аня кивнула в ответ, мазнув по нему равнодушным взглядом, пошла заваривать себе кофе.

— Как спалось?

— Хорошо, — ее голос был ровным и мертвым.

Мужчина заерзал, лучше бы она злилась. Неужели ничего не спросит, не закатит сцену? Нет? Плохо, с этим ему легче было бы справиться. Придется «плыть в незнакомых водах». Он прочистил горло:

— Анна...

Официально-то как, подумала она.

— Я... Вот тебе ключи от новой машины. Она твоя.

Он выпалил это бодрым голосом на одном дыхании, положив ключи от машины на стол, и теперь затих, ожидая ее реакцию. Должна... Должна...

Он хочет ее купить. Купить! Боже, как противно... Аня налила себе кофе, медленно повернулась. Михаил жадно вглядывался в ее лицо, ну обрадуйся, ну хоть чуть-чуть, пожалуйста... Девушка взглянула на него спокойным, каким-то пустым взглядом и сказала:

— Не стоило тратиться, у меня есть машина, — и уткнулась глазами в кружку.

Ему захотелось треснуть кулаком по столу и лопнуть от досады, но Михаил взял себя в руки:

— Небось, нисан какой-нибудь древний? Или хюндай?

— Хонда. Она меня устраивает.

— А меня не устраивает! — он все-таки начал выходить из себя, — Моей жене по

статусу не полагается ездить на какой-то развалюхе!

— Ааааа, по статусу... Ничего, пусть считают, что я эксцентричная особа.

Он прошелся по кухне, ероша волосы.

— Эксцентричная, это точно! Что это за дрянь у тебя на лице? И почему ты босая ходишь, так простудиться недолго? И незачем квартиру каждый день драить! Два раза в неделю приходит домработница, нечего ее работу делать!

Он распался все больше, незаметно наблюдая за ней. Ну разозлись же, разозлись на меня, выдай хоть какую-то эмоцию. Нет. Сидит, как каменная! Он хлопнул себя по бокам и со стоном выдохнул. И тут Аня произнесла негромким спокойным тоном:

— Я бы хотела поскорее начать работать.

— Тебе нельзя сейчас, не раньше, чем через месяц.

За этот месяц он придумает, куда ее устроить, чтобы была на виду. Девушка нахмурилась.

— Мне нужны свои деньги.

— Детка, — покровительственный тон, — если тебе нужны деньги, достаточно просто сказать!

— Мне нужны СВОИ деньги. И еще мне нужны ключи, я из дома выйти не могу, а мне нужно выйти.

— Зачем?

Тут же подняла голову ревнивая подозрительность. Неужели хочет побежать к этому своему дорогому мужчине?! Черта с два он ее отпустит.

— Мне нужно кое-что купить.

— Позвони Петровичу, или скажи мне, и все будет куплено.

Она поморщилась.

— Мне нужны прокладки...

— Прокладки? Для чего? Прости... Дурацкий вопрос.

Как по-дурачки! По-дурачки! Нахлынуло сожаление. Он, оказывается, в глубине души все это время надеялся, что может быть, она беременна.

— Да, конечно... Еще что-нибудь?

Она подняла на него глаза и проговорила с неуловимой тоской:

— Я хочу к маме.

Михаил отвернулся, он сейчас совершенно не владел собой.

К маме. Надо подумать. Может быть так даже лучше. Да, наверное, пусть поживет у матери недельку, перебродит то дерьмо, они оба успокоятся. Пусть соскучится по нему. Он натянул на лицо свою обычную улыбку, повернулся к ней и постарался говорить спокойно и даже весело:

— К маме, так к маме, хорошо. Я сам отвезу тебя, куколка моя, поживешь у мамы недельку.

Как он обрадовался! Аня помертвела внутри, лишний раз убедившись, что только мешает жить этому человеку. Вслух глухо пробормотала:

— Спасибо, — допила кофе, помыла кружку и тихонько вышла.

— Боже мой! Ну что же мне сделать, чтобы она хоть как-то отреагировала! Или хотя бы разозлилась! — думал он, глядя, как его маленькая жена понуро уходит, — Да уж! После тех номеров, что ты здесь выкидывал, тебе еще долго придется ползать на брюхе! Идиот несчастный. Несчастный, как это точно сказано...

Подумать только, прошла всего неделя и два дня. А кажется, как будто несколько лет отделяют ее от того момента, когда она заметила в ресторане красивого мужика с холодными серыми глазами, читающего газету. Аня собрала свои вещи в ту сумку-саквояж, с которой еще из больницы приехала. Ее чемодан должны были завезти к ней домой девчонки. Из тех вещей, что купил ей муж, ничего брать не стала. Смыла крем.

— Хммм... Иногда реклама не врет...

Лицо было на удивление свежим, следов слез совершенно не видно, только губы чуть припухли. Это ничего. Она оделась, собрала волосы в аккуратный пучок на макушке и вышла из комнаты.

Муж стоял у двери, словно поджидал ее. Понятно, ему не терпится, чтобы она убралась, так она и не собиралась задерживаться.

— Это все? — он с сомнением показал на ее сумку.

— Да, это все мои вещи.

— Покажи.

— Что?

— Я сказал, покажи. Что непонятно?

Ему было очень неприятно, что эта девчонка ничего не хочет от него принимать. Так, кажется, разозлилась.

— Смотри, — она резко открыла сумку.

Он глянул, поцокал языком:

— Ай, ай, ай. Я так и думал. Как тебе не стыдно, куколка моя? Какого мнения будут обо мне твои родители? Что скажут, ни одной тряпки молодой жене не купил? Позор! Нет уж, милая.

Он отобрал ее сумку, унес куда-то. Вернулся с огромным чемоданом, сам сложил в него все, что висело и лежало в шкафу, и с вызывающим видом поставил перед ней.

— Подружкам покажешь.

— Я все равно не буду это носить.

— Будешь, если ничего другого нет.

— Я не ХОЧУ, чтобы ты покупал мне вещи.

— А я все равно БУДУ покупать тебе вещи!

Аня была обижена, и вообще, зла на него. Нет, даже не так. Она собиралась давить его своим холодным презрением, но этот муж, объевшийся груш, так смешно выходил из себя, что она не смогла спрятать усмешку, просочившуюся в ее глаза.

А он этот легкий проблеск веселья заметил. Ну, наконец-то. Захотелось выдохнуть с облегчением и расслабиться.

Но она сказала:

— Мне нужен паспорт.

И тут же опять взвилось подозрение:

— Зачем?

— Что зачем? Зачем вообще человеку бывает нужен паспорт? Я что рабыня?

На сей раз, она однозначно разозлилась, и нехорошо разозлилась. Запахло очередной ссорой.

— Хорошо, — он принес ее паспорт, — Только не предпринимай ничего,

предварительно не поставив меня в известность. Ты теперь моя жена, и все что ты будешь делать, касается моего бизнеса.

Его бизнеса. Конечно. Она раскрыла книжицу, глянула на фамилию. Кольцова Анна. Вздохнула.

— Разумеется, я не собираюсь наносить никакого ущерба Вашему бизнесу.

— На ты! Обращайся ко мне на ты! И возьми ключи от своей машины.

Он протянул ей ключи от шикарной новенькой машинки, которую купил ей сегодня утром, но Аня проигнорировала его жест и просто ответила:

— Спасибо, не надо. Тем более, что я сейчас за руль садиться не собираюсь.

Зло подхватив чемодан, Михаил пошел к выходу. Не могут они не поругаться! Не могут! И как ей только удастся в два счета довести его до белого каления...

Лифт спустился в паркинг, Аня сразу заметила рядом с его джипом чудесную мерцающую синюю мечту, BMW M6 cabrio... Аж слюни потекли... Точно под цвет ее глаз... Какого черта! Не надо нам от него ничего! Она отвернулась, с мрачным видом разглядывая дорожную разметку.

Укладывая чемодан в багажник, Михаил все время следил за ней. Заметил он и искорку интереса, сменившуюся мрачностью. Тяжело вздохнул.

Ехали молча, чтобы не ощущать этой давящей тишины, он включил радио и сосредоточился на дороге.

Отца не было дома, теща обрадовано засуетилась, кинулась кормить зятя вкусностями, поить чаем. Перед Аниной мамой они, не стовариваясь, решили не показывать своих, мягко говоря, натянутых отношений. Как могли улыбались, и вели себя вроде нормально. Но разве маму обманешь!? После того, как зять, посидев немного и сославшись на неотложные дела, чмокнул дочь и уехал, мама не сразу, конечно, но подступила к Ане с расспросами. Потому что от нее не укрылось, как она шарахнулась от его поцелуев.

— Девочка моя... — начала она осторожно, — Ты счастлива?

Аня открыла рот, но не смогла произнести ни слова.

Говорить правду не хотелось. И врать тоже не хотелось.

— Мам, я устала что-то. Пойду-ка я полежу.

— Да-да, конечно, доченька. Ты бледная какая-то, ты не беременна?

— Нет, мама, — Аня совсем расстроилась, — Пойду я, прилягу. Прости.

Дочка ушла, а мама осталась сидеть в кухне и переваривать то, что ей сказали, вернее не сказали. Там счастьем и не пахнет. Что у девочки случилось, что там вообще могло произойти? Ну да, девочка никогда не была забитой тихоней, но чтоб вот так замуж выскочить... Она же не какая-нибудь дура легкомысленная, собиралась делать карьеру, а теперь что будет? Муж этот ее. С виду нормальный, уважительный. Если честно, шикарный мужик, красавец, еще и богатый, и видно, что к Ане не ровно дышит. Так что же с ними не ладно?

Отца, естественно, в свои подозрения посвящать не стали.

Из дома жениных родителей Кольцов поехал на работу и просидел там, ворочая горы дел до самой ночи. А ночью, придя домой, он вдруг обнаружил, что его привычная квартира

без жены кажется ему пустой. Он затряс головой, всего две ночи она тут спала, а уже все собой заполнила. Его потянуло в ее комнату, он вошел туда, испытывая странный трепет, словно вошел в святилище. Лег на Анину кровать, потерся затылком о покрывало и закрыл глаза, так можно думать, что это она гладит его по волосам. Потом откинул покрывало и зарылся лицом в подушку, хранившую ее запах, накатило желание. Нет, надо вставать, довольно тут валяться, как долбаный извращенец. Пришлось сделать над собой усилие и встать, потом захотелось войти в ее ванную.

Тьфу! В ванной вместе с ее маленькими лосинками сушилась та проклятая мужская футболка.

Надо же! И тут она его уела. Сама уехала, а футболку своего «дорогого мужчины» оставила. У него просто зачесались руки уничтожить это напоминание, что не его здесь любят. Как Миша саркастически заметил про себя, сейчас он как Иван-дурак, нашедший лягушечью кожу. Ужасно хотелось ее сжечь. Но он не станет этого делать. Он сделает так, что его жена сама сожжет эту чертову «лягушечью кожу».

Михаил потушил свет и вышел из ее спальни. Желание никуда не делось, но ни звонить, ни ходить к кому-то, он не стал. Хватило вчерашнего, на всю оставшуюся жизнь хватило. Послал ему Бог эту царевну-лягушку, вот и будет он с ней маяться.

Мама тихо, незаметно, но плотно обложила Аню психологическим прессингом, и та, в конце концов, не выдержала и рассказала ей всю правду. Пожилая женщина слушала эту исповедь, слушала и делала выводы. Очень неутешительные выводы. Все это одна большая ошибка. И незачем им губить жизнь друг другу.

— Дочка, я считаю, вам надо развестись.

Сердце у Ани больно сжалось. Любовь только возникнуть может внезапно, а вот пройти внезапно — никогда. Ее из сердца можно вырвать только вместе с сердцем. Но и жить так, как они живут, тоже невозможно. Потому она сказала:

— Я подумаю. Только никому ничего не рассказывай.

— Дочка!? — обиделась женщина.

А пока, пользуясь свободой, Аня обзвонила всех своих знакомых, настроение улучшилось, даже получилось забыть о муже. Сходила с девчонками в кафе, они, конечно, засыпали вопросами, но уж она им наплела! Рассказала про новые шмотки, про машину. Те так увлеклись, что обо всем забыли. Оттуда возбужденной толпой напрямик пошли к ней в гости, ахали, заставили все примерить. При них Ане не удалось отвертеться, потом она сама втянулась и с горящими глазами разглядывала себя в зеркале. Все-таки вкус у этого гада есть... вкус у него что надо! Девчонки так разошлись, что решили тоже кое-что примерить, точнее, все перемерить, галдели, хихикали, вертелись перед зеркалом, блестя глазками. Все одобрили!

Оценив до мелочей все шмотки, включая отменное, очень дорогое белье, подружки осели на кухне, и за чайком делились рассказами о том, что было в том отеле в Анькино отсутствие. Вспомнили про того мужичка, что тогда на Ленку запал и аж целых четыре раза танцевать приглашал, подшучивали над Ленкой. а она отмахивалась, мол не говорите ерунды! Не признаваться же, в самом деле, что этот мужик занозой застрял ей в сердце, и безумно жаль, что они больше никогда не увидятся...

Аня слушала подружек, смеялась вместе с ними, и как-то вроде и свое жите стало казаться не таким уж безнадежным. Может, время расставит все на свои места. Хорошо, что она к родителям поехала.

Пошел пятый день.

За работой время тянется незаметно. Почти. Если приползть домой к полуночи, а то и вовсе не приползть, ночевать в кабинете. Кольцов жил эти дни как поезд в тоннеле. Идешь в темноте, видишь в конце свет, до этого света надо дойти. Осталось немного, два дня.

Недавно Ане позвонил школьный друг Женька, она так обрадовалась, почти семь лет не виделись. Он в другой город уезжал учиться, а теперь вот вернулся. Хохотали по телефону, он напросился в гости. Аня пригласила его к вечеру, как раз мама с папой дома будут. А утром она брату позвонила, вчера вспомнила про майку ту, свою любимую, что она дома у мужа оставила, просила заехать и забрать, а потом ей завезти.

Валентин позвонил с работы Кольцову, просил разрешения зайти, забрать кое-что. Тот был озадачен, но немедленно согласился. Мужчины встретились у Кольцова дома. Валентин поздоровался, вошел, осмотрелся, потом выдал:

— Меня Аня просила ей какую-то майку завезти. Забыла, говорит.

Михаил сразу понял, о чем идет речь, неприязнь зашевелилась внутри. Вспомнила, значит, свою пропажу, не забывает! Но вида не показал:

— Да, я понял, сейчас принесу.

Зашел в ее ванную снял проклятую футболку, она ему руки жгла, стиснул ее в кулаке, как будто она была живая, и ее можно задушить. Вынес.

— Вот она.

— Хммм! Ну надо же сколько лет, а она эту мою старую майку все никак не выбросит!

— Что?!

Михаил впился в него взглядом, задохнулся, стиснул майку в кулаке и спрятал за спину.

— Майку, говорю, мою старую не выкинет никак, — зятек что-то в неадеквате.

— Аааа...

— Ну, давай, что ли, майку-то.

— Аааа... Я сам. Сам отвезу. Мне как раз нужно... Нужно к ней сегодня поехать! Сам и отвезу.

— Ладно, — женин брат пожал плечами, с сомнением оглядев зятя, — Бывай.

И ушел.

Кольцов, оглушенный новостью, опустился на диван, уставившись на зажатую в руке футболку. И ведь не обманула, он просто сам себе невесть что в голове достроил... Эта его кошмарная жена не перестает его поражать. Да она его просто с ума сведет!

Он захохотал, откинувшись на спинку дивана. Хохотал долго и чувствовал себя ужасно, просто по-дурацки счастливым.

Потом подскочил и помчался к ней, к этой невозможной, нахальной девчонке. К его маленькой синеглазой девочке.

Кольцов с замирающим от волнения сердцем позвонил в дверь. Сейчас он ее увидит. Шумно выдохнул, успокаивая дыхание. Только собирался позвонить еще раз, дверь открыл тещь.

— О, какие люди! Что же ты не позвонил, Миша?! Проходи, сейчас ужинать будем.

Он не звонил. Хотел приехать сюрпризом. Всю дорогу мысленно проговаривал, как будет поддразнивать ее, стебаться, как, в конце концов, заберет ее домой. Михаил вошел вслед за тестем. Из гостиной доносился веселый мужской голос, который что-то бубнил и женский залиvistый смех. Кольцов застыл на пороге.

Что это? Черт побери, что это!?! Это она с каким-то мужиком, смотрит ему в глаза и смеется?!

Наверное, это называется припадок берсерка. Мелькнули картинки перед глазами, вот он на лестничной клетке, держит за грудки этого мужика. За его локти цепляются с одной стороны жена, с другой теща, а тещь пытается отодрать его от несчастного, которого Кольцов хочет задушить голыми руками. Ужас в глазах жены, слезы... Успокойся, идиот несчастный! Боже милосердный...

Усилием воли Михаил подавил бешенство и пришел в себя. Когда вернулся слух, он

понял, что тесть говорит ему:

— Миша, познакомься, это Женя, Анин школьный друг, зашел в гости, семь лет не виделись.

Тесть говорил еще что-то, он не слушал. Одноклассник. Михаил смотрел, как веселье быстро сменяется отчужденной мрачностью в лице его жены, и погружался в защитное ледяное спокойствие. Все потом. Холодно, но вежливо поздоровался, за стол присаживаться не стал. Объяснил расстроенной теще, что внезапно возникли вопросы, требующие Аниного непосредственного участия. Да, очень срочно. Нет, это не может подождать до утра. А сам смотрел в ее глаза, пока она не отвела взгляд.

Женька рассказывал, как сдавал сессию на первом курсе, а Аня весело смеялась. И в этот момент вдруг увидела в дверях гостиной мужа. Его глаза...

Что-то страшное закрубило в его глазах, он странно дернул шей, как тогда, но потом мрак сменился льдом, который обжигал ее еще хуже адского пламени. Он что-то говорил родителям, смотрел на Женку так, будто собирался вынуть все его внутренности, расчленив на кусочки и потом хранить в морозильнике. Аня опустила голову. Потом поняла, что разговор подошел к концу, и подняла глаза на мужа, который как раз прощался:

— Извините, нам пора.

Отец огорченно сказал:

— Ну, если так...

Михаил перевел взгляд на Аню и сказал ледяным тоном, не терпящим возражений:

— Мы едем домой. Сейчас же.

Она встала, хотела пойти в свою комнату, но Михаил не мог больше ждать. Он просто задыхался здесь, еще немного и его прорвет.

— Потом. За вещами приедет Петрович.

Кивнул всем и вышел. Как только за ними закрылась дверь, схватил обомлевшую жену за руку, потащил ее вниз по лестнице. Не стал даже лифта дожидаться. Тошно было до ужаса. Ему хотелось как можно быстрее убраться отсюда, вернуться в свой дом и запереться там, и запереть ее к чертовой матери. Совсем спятил, готов на людей бросаться, готов убивать! Это она его довела! Довела! С другими можно смеяться, быть нормальной — а с ним нет! С ним нельзя! Ему душу надо рвать!

Аня молчала, напуганная ледяным бешенством, сверкавшим в его глазах. Он случайно взглянул на нее и застонал. Боже мой, теперь она меня боится... Идиот несчастный! Идиот!

Но вслух он ничего не сказал. Просто постарался взять себя в руки и успокоиться, глубоко дыша. Они уже сели в машину и ехали домой. Аня полностью прикинула к окну и всю дорогу не поворачивала голову в его сторону.

Как только вошли в дом, она влетела в свою спальню и закрыла дверь.

Нет. Он хотел поговорить, черт побери! Им, наконец, надо поговорить!

— Выходи, нечего там прятаться, как мышь в норе. Надо поговорить.

Она молчала.

— Что, струсил, куколка? Конечно! Это вам не мужика снимать в ресторане! Поговорить с ним — это куда-а-а-а страшнее! Вдруг возьмешь, да и случайно правду скажешь!? Маленькая лживая...

Не выдержала. Да как он смеет! Теперь ее никакие двери и никакие доводы разума не удержат!

— Ну! Договаривай! В чем я тебе лгала?!

Он осекся. Не лгала ведь. Ни в чем. Он сам делал выводы, разве это ее вина, что он делал ложные выводы? Да!!! Ее!!! Ее вина! Во всем!

— Зачем ты подошла тогда ко мне? — он выдавливал слова сквозь зубы, борясь с диким желанием взорваться и начать бегать по потолку.

У нее из глаз брызнули злые слезы.

— На спор! Мы поспорили, мне не повезло! Короткая досталась!

— Надо же? А я все-таки думаю, что тебе моих бабок хотелось, — циничный голос стал вкрадчивым, — Иначе, зачем же было под меня ложиться?

Аня задохнулась. Да как он... Как он... Она отвернулась, чтобы не расплакаться навзрыд.

— Что, правда глаза колет? — он знал, то, что он говорит сейчас — ложь. Но ему хотелось, чтобы ей было больно.

— Ты же сам ворвался ко мне, сам набросился, как зверь...

— А ты не очень-то этому зверю сопротивлялась! Ты стонала и терлась об меня, как обезумевшая мартовская кошка! Помнишь...

Михаил дрожал, вспоминая это дикое, безумное наслаждение, видел, как она задыхается. Аня вдруг вся передернулась и закричала:

— Будь проклят тот день!

— Это была ночь!

— Будь проклята та отвратительная ночь! Хочу забыть ее, как страшный сон! Хочу вычеркнуть ее из памяти, как будто ее никогда не было!

— Не лги мне!!! Ты так не думаешь! — голос его был страшен, он схватил ее за плечи и стал трясти, желая, чтобы она вернула эти ужасные слова обратно, — Не лги мне! Не лги мне! Не лги...

Потом отбросил ее руки и отошел, дыша как загнанный. Она осталась, смаргивая слезы и дрожа.

Как больно было ему....

Как больно было ей...

Если бы при этой сцене мог присутствовать сторонний наблюдатель, он бы сперва, таща за уши, заставил их помириться и поцеловаться, а потом пинками погнал обоих в постель, где и хотели, и должны были бы оказаться эти двое. Если бы умели справиться со своей дурацкой гордостью.

Но, увы, рядом никого не было.

Она как-то резко взяла себя в руки.

— Мне никогда не нужны были ничьи деньги, тем более, твои, — тон стал спокойным и официальным, — И я докажу это. Мы разведемся. Я, в конце концов, адвокат, и мой профиль семейное право. Составить документы таким образом, чтобы навсегда избавить меня от твоих проклятых денег, можно безукоризненно! Деньги... Да пусть их у тебя никогда не станет меньше!

Ее слова падали на него, как проклятия на голову грешника.

Внезапно ему стало страшно.

Но тут невероятная, противоестественная комбинация в доли секунды вспыхнула в мозгу, и его деловой нюх почуял лазейку. Он понял, что это ШАНС. Только надо все тонко разыграть, у него нет права на ошибку.

— На спор, говоришь, подошла... Угу, — сделал глубокомысленное лицо, — На спор... Вот только ты проиграла тот спор, как мне помнится, куколка...

Михаил уже знал, что она бесится, когда он ее так называет, а ему и надо, чтобы она взбесилась. Поэтому он напустил цинизма в голос и продолжил:

— Это ведь не ты сняла меня, а я снял тебя, детка, — он противно захихикал, с удовольствием отмечая, как искры бешенства разгораются в ее глазах, — Дааа... Где тебе, снять меня...

Он даже позволил себе смерить ее насмешливым взглядом, видя, что она закипает.

— Так что, куколка моя, предлагаю тебе вот что... Хотя нет...

Сделав вид, что раздумывает и, оглядывая ее циничным насмешливым взглядом, Миша выдал, наконец, свою спасительную идею:

— На спор, — он выдержал паузу, — Сможешь затащить меня в постель, получишь и развод, и мои бабки. Не сможешь... — развел руками, — Все останется, как было, с той лишь разницей, что ты у меня будешь по струнке ходить.

Его мерзкий смех выводил ее из себя, смех гиены.

— На спор, говоришь?!

Он уже увидел в ее глазах это долгожданное чудо — кураж! Мишкина душа возликовала. Да! Ключнула! Теперь не испортить...

— Вот когда я смогу над тобой от души поиздеваться... Но ты никогда не посмеешь, куда тебе, соплюхе...

— Квест?! — глаза его жены горели бешеной решимостью.

— Что? — не понял Михаил.

— Принимаю спор

Он протянул руку и Аня с жаром ее пожала.

— Но учти, куколка, есть несколько условий!

— Говори, что за условия.

— Ты не будешь меня касаться, это раз, ты не будешь лазить ко мне в постель, пока я сплю, и вообще, пока я не позову, это два, и наконец, никаких подлых приемов, вроде стриптизов и афродизиаков!

Аня потрянула головой и призадумалась.

— Небось, так и собиралась, напасть на мое бедное беззащитное тельце, пока я сплю?

— Иди к черту! — вообще-то подобная мысль у нее мелькала...

— Что, передумала?

— Не дождешься! У меня тоже есть условие.

— Ну, говори.

— Никаких баб у тебя! Иначе я близко к тебе не подойду.

Михаил весь подобрался, как-то просветлел лицом и торжественно произнес:

— Клянусь. Больше никогда.

И она почему-то поверила. А он понял это по ее глазам. А сам вернулся к насмешливому тону и сказал, глянув на часы:

— Ну что? Время пошло, — демонстративно зевнул, — Пойду-ка я спать. И дверь спальни на всякий случай запиру, а то, ходят тут разные нимфоманки озабоченные...

— Шут! — скривилась Аня, и удалилась, задрвав нос в свою спальню, как легендарный Ахиллес в свою палатку.

Когда она скрылась за дверью, Миша вскинул руки вверх и потряс кулаками, его распирало такое чувство, будто он забил победный гол в решающем матче на чемпионате мира по футболу. Хотелось подпрыгнуть и еще, и еще, но он сдержанно и степенно ушел к себе и с глупейшей счастливой улыбкой завалился спиной на постель.

Все просто. Пока она будет его соблазнять, сама влюбится по уши. Уж он-то постарается, он ей легко не дастся! Все будет отлично!

Правда, в глубине души таился маленький страх, что он может и проиграть. Документы на развод придется подготовить. И он докажет ей, что...

— Не ври хотя бы сам себе! Давно уже понял, что она тебе важнее твоих проклятых бабок!

Он перевернулся на живот и уткнулся носом в подушку. Ему предстоит безумно приятная и безумно трудная задача. Потому у него от одних мыслей о ней крышу сносит, а что будет, когда она за него всерьез примется?

Все будет хорошо, все должно быть хорошо, должно...

Аня стояла под душем, так ей лучше думалось. В своих силах она не сомневалась, она затащит его в постель и очень скоро. При этой мысли внутри все сладко сжималось. Но вот развод... Хочет ли она в действительности развестись?

Завтра же начнет готовить документы. И займется этим типом. Предвкушение прокатилась по телу, вызвав нежную волну сладкой дрожи.

Рано утром приехал Петрович, привез чемодан с Аниными вещами. Аня забрала его в свою комнату. Отлично, на войне как на войне, побьем противника тем оружием, которое он же нам и дал.

Миша пил свой утренний кофе, когда эта мелкая поганка, его жена, вплыла в кухню в убийственном утреннем неглиже. Мужчина тут же воззрился на нее, открыв рот и не замечая, что кружка немного наклонилась, а кофе капает на... короче, на штаны горячий кофе капает. Он смог отклеить от нее свои глаза, только когда почувал, что малость ошпарился. И тут же зашипел от боли и заметался на месте в поисках полотенца.

Мерзкая девчонка с понимающей улыбкой протянула ему полотенце и выдала:

— Я могла бы сама высушить, но... Мне, к сожалению, нельзя касаться... — и вздохнула.

При мысли, как она могла бы его касаться бедный ошпаренный чуть не задохнулся от нахлынувших образов. Э, нет! Так не пойдет! Он так в два счета проиграет! Надо брать себя в руки.

— У тебя пятно, вон там, здоровое! — и показал пальцем.

— Где? — кинулась искать.

— Ха! Развел! А ты и купилась, детка!

Она тут же надулась и засопела как еж. Фуххх, он заслужил маленькую передышку!

— Ну, я пошел. Будь умницей, детка. И придумай уже что-нибудь посолиднее, чем разгуливать в нижнем белье. Со мной этот номер не пройдет, — потянулся похлопать ее по щечке, она фыркнула и отстранилась, сверкая на него глазами.

— Ай, ай, ай, какие злые глазки... Разве так соблазняют мужчину? Книжки почитай, кино посмотри, в интернете поройся, в общем, подготовься к моему приходу. А я вечером приду, домашнее задание проверю...

С последними словами он выскочил из кухни, потому что в него уже летело то самое полотенце.

— Мама. Это я сам все вот это своими руками купил?! Она же меня в гроб загонит! — он ехал на работу, а на лицо все время напозвала глупая улыбка.

Да, ему теперь предстоит райский ад, или адский рай, называйте как угодно. И он был счастлив.

Аня злилась и пыхла, и бегала по кухне, как лев по клетке.

— Урод! Гад! Домашнее задание он проверит!

А на душе приятно было... Она-то видела, как у него челюсть отвисла, и ей это понравилось. И хорошо, что он не сдаётся, так гораздо интереснее. Ее уже захлестнул азарт. Но Аня решила устроить этому своему мужу мелкую месть. А вот не будет она его вечером соблазнять! Это же она решает, когда нанести удар, вот пусть удар и будет неожиданным! А пока, займемся-ка мы документами на развод.

Служащие отметили беспричинную веселость босса, его мечтательную улыбку, и сделали вывод, что наконец-то у их Величества семейные дела пошли на лад.

Аня просидела над документами большую часть дня, только когда день начал склоняться к вечеру вспомнила, что хотела приготовить нормальный мужской ужин. Быстренько свернула всю работу и побежала в кухню.

— Тааак... Борщ, пюре с котлетками, салат и шарлотка на сладкое, — она с удовлетворением оглядела сверкающую чистотой кухню и пошла переодеваться к его приходу.

Он был так любезен, этот ее муж, что позвонил заранее, не забыв напомнить про домашнее задание. Р-р-р-р....

Михаил чуть не бегом бежал домой, поймал себя на мысли, что отродясь такого не было, но тут же все мысли дружно испарились, потому что только он собирался вытащить ключи, как дверь открылась. Его ждали. В дверях стояла Аня и, улыбаясь, сделала приглашающий жест. И он вошел. Эта улыбка подействовала на мужчину так, что он бы и в клетку со львами и аллигаторами вошел и не почувствовал никакого страха. Она прошла в кухню:

— Переодевайся, мой руки и иди за стол.

Ммммм. Кажется, ему все-таки повезло...

Теперь можно слегка расслабиться. Он решил не пижонить больше, а показаться ей в своем обычном трапежном виде, ну, чтобы привыкла. Пять минут, и Миша в домашней майке и шортах был уже в кухне.

— Пир для глаз, праздник живота, ура! — вопил внутренний голос.

Но лицо его сохраняло насмешливое выражение, и только он открыл рот, чтобы отпустить шпильку, как Аня, затряслась от хохота, показывая пальцем на его широченные шорты до колена.

— Это что, твой особо эротический наряд?

Она хохотала, а Миша с замиранием сердца понимал, что в первый раз она по-настоящему смеется для него, и не знал, то ли продолжать ему изображать умудренного опытом холодного мэтра, то ли смеяться вместе с ней. Победил смех.

Получился настоящий семейный ужин, они разговаривали как нормальные люди, смеялись шуткам друг друга. Можно сказать, что маленький шажок навстречу был сделан, в общем-то, не такой уж и маленький, если быть честными до конца, потому что зернышко доверия у них появилось.

Он подумал, что если будет есть столько каждый день, то у него быстро брюхо вырастет. Но, черт побери, все так вкусно! Потому он не смог отказать себе в удовольствии и съел всю шарлотку. На что Аня, лукаво прищурившись, выдала:

— Некоторых легче пристрелить, чем прокормить...

— Молчи, коварная, — обьевшийся Михаил был настроен добродушно, — Ты это все подстроила, чтобы зачеты не сдавать!

— Ага! — она весело захихикала.

А он подумал, что пока все идет как надо.

Потом они смотрели телевизор, как обычная семейная пара, а потом разбрелись по своим спальням, пожелав друг другу спокойной ночи. Миша был слегка разочарован, что его не стали соблазнять, но зато это нормальное человеческое общение окупало все. Он был готов терпеть свое неутоленное желание, лишь бы она к нему привыкла. Глядишь, еще пара дней — и передумает разводиться...

Его маленькая мстительная жена не собиралась складывать оружие, она, хитро улыбаясь в своей постели, придумывала козни перед сном. А главное, она не забывала о документах на развод.

И потянулись дни, наполненные этой борьбой желания и самообладания.

Адский рай. Или райский ад.

Когда страшным оружием становится случайный взгляд или вздох, или слово, сказанное чуть дрожащим от страсти голосом. И семейные ужины. Иногда это были просто приемы пищи с веселым общением, а иногда откровенное обольщение, сводящее с ума. После такого оба по полночи торчали под холодным душем.

Аня попросила, чтобы перегнали сюда ее хонду, Михаил покривился, но исполнил. Потом она, наконец, закончила работу над документами и отдала ему, пусть его юристы все проверят. Ему было ужасно неприятно, но он выполнил и эту ее просьбу, и принес ей заверенные экземпляры. Оставалось лишь поставить подписи.

Не сказав ей ни слова, он подготовил и свой вариант, где отдавал ей все. Михаил не желал даже думать о поражении, он хотел, чтобы она узнала... Потом, когда-нибудь... Что деньги не имели никакого значения, что он хотел только ее.

Так прошло две недели. К этому времени оба уже дошли до последней точки и изнывали от томления. Мучительные ночи, проводимые в одинокой постели, когда твой желанный рядом, только признай свое поражение, только протяни руку и окупись в наслаждение, сводили их с ума.

Все случилось внезапно.

Все случилось внезапно.

Она предложила сходить вечером в ресторан. Он согласился, среди людей будет легче вытерпеть эту пытку, страшно тяжело все время отказывать себе в том, чего хочется больше всего на свете.

Модный светский ресторан прямо рядом с домом, даже машину не стали брать. В зале было порядочно народа, какая-то компания гуляла. Молодые, много симпатичных мужчин и женщин. Миша с Аней сели за столик, недалеко от той веселой компании, заказали шампанского, закуски, и, в общем-то, хорошо проводили время.

До тех пор, пока Аню не пригласил танцевать парень из этих веселых соседей. Михаил хотел было отказать, но мужик улыбался так обезоруживающе безобидно, что он, стиснув зубы, с улыбкой разрешил. А теперь смотрел со стороны, как этот тип прижимает к себе ЕГО женщину, как наклоняется и шепчет что-то ей на ушко, а она смеется. Смеется она. Убить ее мало! Но когда этот... тип коснулся ее щеки и убрал ей за ушко выбившийся локон, вот тогда крышу у Кольцова и сорвало.

Припадок берсерка, совсем как тогда. Картинки замелькали перед глазами, битые в кровь морды... Михаил встряхнулся, приходя в себя, он понял, что все, что дальше он себя контролировать не сможет, надо забирать ее отсюда. Поднялся и подошел за своей женой, разбить эту танцующую парочку. Мужик пытался было в шутку воспротивиться, а Аня, увидев эту страшную ледяную мглу, клубящуюся в глазах мужа, вцепилась в его плечо.

И запустила в него ногти. В этот миг Михаил почувствовал себя как многовековой дуб, который, наконец, свалили последним ударом топора, он даже слышал тот скрип и скрежет с которым рухнуло его самообладание. Ее ногти, впивающиеся в его плечо...

Словно пошла неуправляемая цепная реакция. Как они добрались до дома, яростно целуясь и цепляясь за какие-то углы, оба не помнили. Каким-то чудом оказались в постели, а дальше была борьба за жизнь, и каждый был жизнью для другого. Была ночь непрерывного безумия, болезненно-нежно-страстно-мучительно-сладкого бесконечного наслаждения. И все-таки эта ночь прошла.

А потом настало утро. Утро, которого боялись и ждали оба.

Поцеловав его в последний раз, Аня встала, вытащила свои экземпляры разводных документов, подписала их и протянула ему.

Он видел, что она делает, и не верил своим глазам. Когда Аня подошла к нему, протягивая ручку и бумаги, он смотрел на нее так, словно она ударила его ножом в спину, а теперь вырезает его еще живое сердце. В ее глазах тоже плескалась боль и стояли слезы.

— Зачем? — только и смог сказать он.

— Я должна, — голос дрожал от сдерживаемых слез.

Он оттолкнул те документы, что она ему протягивала, вынул свой вариант, подписал его без слов, протянул ей и отвернулся, сел на кровати, опершись локтями в колени и обхватив голову руками. Мужчина был раздавлен. Оба не сказали ни слова больше друг другу. Она быстро оделась, взяла бумаги и ушла.

Он был раздавлен.

Щелкнул замок входной двери. Ушла.

Мир сузился в крохотную точку, и эта точка наливалась болью. Значит, вот как бывает, когда случается самое страшное...

Мужчина сжал голову руками. Ушла. Вырвала его сердце и ушла. Сделала его.

Нет.

— И как же ты после этого будешь жить? — спрашивать у самого себя было куда легче, чем придумывать ответы на собственные вопросы, — А? Скажи мне, как ты будешь жить? Мужик?

Нет. Это было совершенно неправильно.

А внутри все никак не унимался тот Михаил Кольцов, кем он и был на самом деле, все терзал своими вопросами, от которых хотелось на стенку лезть и огрызаться:

— Ты вообще мужик? Ты что, вот так еепустишь? Ты что, позволишь ей вот так уйти из твоей жизни? Ты же видел ее глаза... Она же чертова царевна-лягушка безмозгая, все думает, что в игрушки играет... не соображает, что делает... Ты же знаешь, что она тебя любит!

Нет. Нет. Нет! Неправильно!

— Что, так и будешь сидеть здесь, сопли жевать и подыхать от тоски?! Беги!!! Идиот несчастный! — внезапно открывшееся решение было таким простым, а главное правильным.

Он сорвался мгновенно.

Не могла она далеко уйти, он ее вернет.

Потому что она — его! Потому что иначе...

Иначе все.

Аня только-только отъехала на своей хонде, рядом на переднем сидении лежали разводные бумаги. Каким чудом еще держались на грани истерики ее нервы, кто знает? Слезы все-таки потекли и теперь текли водопадом, а дыхание срывалось. У нее же сейчас просто сердце разорвется... Как больно... Больно-то как...

Вдруг какой-то, она уже плохо видела из-за слез, застилающих глаза, огромный наглый джип подрезал ее и притер к обочине. Она только собиралась выйти из машины и начать ругаться, как дверь открылась, и знакомые руки яростно выдернули ее с сидения и вжали в свою грудь. Миша.

Она приникла к нему, колотя кулачками, куда придется:

— Ненавижу тебя! Ненавижу тебя! Ненавижу!

А он прижимал ее к себе и все повторял, как в бреду:

— Моя. Мояяяя.....

— Ненавижу тебя... — ее колени подогнулись, и они вдвоем сползли прямо на проезжую часть, — Ненавижу...

— Я тоже... Безумно тебя люблю... Люблю...

Им сигналили, их объезжали другие машины, они создавали пробку. Но в тот момент

весь мир перестал существовать, остались только эти двое.

Сумасшедшие влюбленные.

Миша опомнился первым, подхватил Аню на руки и вынес на тротуар. Там он присел прямо на парапет, держа ее на руках. С утра было пасмурно, наконец, закапал теплый августовский дождик. Они так и сидели, обнявшись, потому что так надо было, им так было надо. Дождик побрызгал и перестал, проезжавший мимо эвакуатор с радостью забрал их тачки, и пусть! Было весело на это смотреть.

Смотреть новыми глазами на новую жизнь.

Аня завозилась у него на руках, прижалась головой к теплому плечу и, глядя в глаза, протянула ему маленький скрюченный мизинчик:

— Мир? — шепотом.

— Мир, — прошептал он и зацепил ее мизинчик своим.

Поцеловал свою маленькую жену в макушку, как ребенка, а она стала пальчиком вырисовывать на его груди дразнящие узоры. Миша блаженно прикрыл глаза.

— Ты продал мою машину?

— Что? Аааа... Нет, конечно. Это же твоя машина. Ее на дачу перегнали.

Тут ясность мысли вернулась к Кольцову.

— Ах ты, маленькая, жадная сучка, ты все-таки осталась со мной из-за денег?

— Молчи, жмот.

— Я — жмот? — изумлению не было предела.

— Ты, ты!

— Что?! Что я от тебя зажал! Мелкая...

— Молчи, Миша, не отвлекайся.

— !?... — мужчина тихо млел от восторга, видя, что его царевна-лягушка выпускает драконьи коготки, но она, конечно же, не должна об этом знать.

— Слушай, — она устроилась поудобнее в его объятиях, — Я в инете на нее такие шикарные штучки видела...

Тем же вечером они, торжественно уничтожив свои экземпляры разводных бумаг, сидели на кухне, доедая наспех приготовленный праздничный ужин. Аня поднялась из-за стола и лукаво сказала:

— Миша, я доверяю тебе... помыть посуду.

— Кхммм... Благодарю за оказанное доверие, но ты мне за это... — и Миша что-то горячо зашептал ей на ушко, от чего она залилась краской и стукнула его, а он радостно захохотал.

— Хорош-ш-ш-о-о... А ты потом... — и уже она ему что-то шептала, от чего он почему-то вздрогнул, взвалил ее на плечо и поволок в спальню, как древний варвар свою добычу.

Посуда так и осталась стоять на столе до завтра.

Великая вещь, доверие.

Прошел почти год.

Вновь настало лето, сезон отпусков. И наши старые знакомые подруги-адвокатессы вновь, согласно традиции, поехали вместе отдыхать в тот самый отель. Только теперь их было четверо. Анька вместе со своим обожаемым Мишей нянчились с новорожденным младенчиком. Иваном назвали, в честь деда.

Сами понимаете, как могут отрываться на отдыхе примерные молоденькие дамы-адвокатессы. Развлечений полно, и они не всегда приличны. И да! Самое веселое — это розыгрыши и непристойные пари.

Итак. Отпуск только начался. Ура!

Летняя Строительная выставка завтра начинала свою работу. Толя Костенко приехал накануне, привез новые образцы, проследил, чтобы помощники все установили заранее, возился до темноты. Остановиться он почему-то решил в том самом отеле. Воспоминания потянули. Как обустроился, решил спуститься поужинать в ресторан. Оказалось, что по странному стечению обстоятельств, сел за тот же столик и развернул меню.

Девчонки сидели за несколько столов от него, у выхода на террасу. Когда Лена увидела его, парня, который ей весь год снился, и вот он тут, сидит за тем самым столиком, у нее в голове что-то щелкнуло. Девушка по странному наитию взяла зубочистку, отломилась у нее кончик, зажала в руке, встала и, сказав вытаращившим глаза подругам:

— На спор! Тьфу, блин! На удачу... — пошла прямо к нему.

Толя в этот момент обгрызал большую золотистую оливку. И вдруг увидел, как прямо к нему идет, улыбаясь, богиня из его грез. Ему даже показалось, что от нее исходит сияние. Мужик так и застыл с оливковой косточкой во рту. А Лена подошла, спросила срывающимся от волнения голосом:

— Вы позволите...

Тут он отмер. Быстренько выплюнул косточку в ладонь и спрятал под тарелку. Он не мог поверить в чудо.

— Конечно! — как он от счастья еще заикаться не начал.

Но Анатолий Костенко был мужик тертый и в себя пришел очень быстро. Всё! Попалась богиня! Больше он ее никуда не отпустит.

Надо ли говорить, что они уже больше так и не расстались.

Нина, Марина и Рита смотрели вслед счастливой Ленке, уходившей вместе с не менее счастливым мужиком вполне приличной наружности. Микра Ритка спросила:

— А это не тот мужик, который на нашу Ленку в прошлом году запал?

— Тот, — мрачно в один голос ответили Марина и Нина.

Вечер догуливали уже втроем. Хорошо погуляли.

На следующий день, где-то к часу дня появилась блудная дочь Лена. Заявила, что они с Толей женятся. Показала кольцо с огромным бриллиантом, купленное сегодня утром в ювелирном салоне этого же отеля, собрала чемодан, и сказала, что они едут знакомиться с его родителями. Перецеловала подруг, а под конец призналась:

— Он весь год мне снился. Я его забыть не могла, а он меня... А теперь вот, встретились... Чудо...

К вечеру забежал Толя, забирать свое сокровище, мол, пора, у них самолет. Девчонки поверили в чудо. Потому что он светился от счастья, и разве что не взлетал как ангел. Влюбленная парочка вихрем исчезла, три подружки переглянулись и выдали одновременно:

— Пошли. Это надо отметить. И вообще, достойно пропьем Ленку.

В следующий раз им удалось приехать на рождественские каникулы, уже втроем. Потому что Аня одной рукой воспитывала мужа и ребенка, а другой рулила в своей конторе. Миша расстарался, с ехидной улыбкой сказал, что от озверевших домохозяек дома одни смуты, пусть лучше на благо народа трудится, и купил ей юрфирму. А Лена благополучно влилась в Костенковскую фирму, чем спровоцировала рост производства, и теперь все договора проходили только через ее руки. В общем, выбыли из строя девушки.

Прилетели три подружки на неделю. Из зимы в теплую, почти весеннюю погоду, все поражались:

— Да здесь вообще круглый год что-то цветет.

Вечером, как обычно, спустились погулять в ресторан. Веселье было в самом разгаре, когда Нина, случайно бросив взгляд на тот самый столик у стены, увидела, что за него присел парень. Очень интересный, одинокий парень. Он был, как ей показалось, не из домашних хороших мальчиков, скорее плохиш. Высокий, стройный, в коже, желтоватые глаза, волнистые темные волосы, крепкие мышцы, загар. Небольшой шрам на левой щеке и брови.

Хищник. Тигр. Она вздрогнула от неясного предчувствия, и потянулась к зубочисткам. Отломив кончик, зажала в руке:

— Девчонки, на удачу, или на спор, или не знаю, на что... но я пошла.

И пошла к нему через весь зал.

Саша, альпинист-инструктор и горноспасатель, оказался здесь по работе, зашел в этот ресторан случайно, просто поесть. И теперь, ожидая свой заказ, вдруг увидел как через зал, огибая столики и грациозно покачивая бедрами, идет потрясающая девушка. Серебристые светлые волосы. На красивом, дерзком лице льдистые прозрачно-голубые глаза. Сероголубое облегающее платье. Длинные стройные ноги в высоких, жемчужно-серых замшевых сапожках. Фантастически похожа на белую волчицу на охоте. Когда он понял, что девушка направляется именно к нему, у него дух захватило, А она подошла, улыбнулась и спросила, потряхнув светлыми волосами:

— Вы позволите?

Тигриные глаза вспыхнули. Он поднялся, отодвигая ей стул:

— Прощу, — голос был бархатный, влекущий, опасный...

Через полчаса они танцевали какой-то жгучий латинский танец, сплетаясь телами, а еще через час исчезли из вида.

Марина и Рита только глазами их проводили.

— Этот столик заговоренный... — пробормотала Рита.

Снова жаркое лето выгнало народ в отпуска. Традицию в этот раз пришлось поддерживать только вдвоем. Про Аню с Леной и так все понятно, а Нина по горам теперь

лазает со своим Сашей.

Марина вздохнула и, со словами:

— Эх, остались мы с тобой, — чокнулась с маленькой Риткой.

Двое ребят с телевидения, оператор и ведущий новостей N... канала зашли поужинать. Свободный столик у стенки, очень хорошо. Подальше от шума.

Девушки уже собиралась выпить, как Ритка словно в каком-то трансе показала пальцем в ту сторону. Марина обернулась, за тот заговоренный стол присаживались два парня. Переговариваются, смеются, видимо, друзья. Один крупный, симпатичный лохматый очкарик, из тех, что обычно бывают компьютерными гениями, а второй рыжий, кудрявый, смешливый, и тоже ужасно симпатичный.

Девчонки пооткрывали рты и, не сговариваясь, потянули руки к зубочисткам.

Больше книг на сайте — Knigolub.net